

Общее дело прогрессивной литературы мира

В повестку дня Второго всесоюзного съезда советских писателей включен доклад о современной прогрессивной литературе мира. Это закономерно и знаменательно.

Советских литераторов и читателей в первую очередь интересуют пути развития зарубежной прогрессивной литературы. Нам волнуют произведения, созданные ее мастерами, — правдивые и страстные свидетельства о жизни и борьбе народов мира.

С любовью и гордостью отмечают советские люди большие успехи литературы стран народной демократии, их все возрастающую роль в строительстве новой действительности и нового человека. Нам радует, что анализ природы этих успехов позволяет говорить об утверждении в литературе стран народной демократии принципов социалистического реализма.

С уважением и сочувствием следят советские люди за борьбой прогрессивных литераторов капиталистических стран, борьбой во имя сохранения и приумножения национального культурного наследия, за отстаивание и обогащение великих реалистических и гуманистических традиций.

Эта борьба неразрывно связана с борьбой народов за свою честь, мир и национальную независимость. Она направлена против растлывающего влияния той «литературы», которая славит войну и насилие, проповедует идеи расового превосходства и всяческое иное мракобесие.

Известно, что многим из прогрессивных писателей капиталистических стран приходится нести знамя правдивой литературы, пронянутой идеями дружбы народов, демократии, прогресса, в трудных условиях. Известно, что в мире есть немало охотников раздуть уюлы тех востров, на которых в 1933 году гитлеровцы сжигали книги, известно, как опасен и труден в иных странах мира путь честного писателя.

Тем больше наше уважение к писателям-борцам, которые не дают себя запугать.

«...Я уверен, что второй съезд советских писателей, — говорил А. М. Горький в 1934 году, — будет украшением многих десятков лет литературы Запада и Востока, литераторов Китая, Индии».

Сейчас эти слова Горького находят свое осуществление. Гостию советских писателей на съезде будут литераторы самых различных стран мира. Некоторые из них уже в Москве, иные в пути, и мы с нетерпением ждем их, представителей литературы, любимых и уважаемых нами.

Есть и такие замечательные писатели, чьи имена не могут не быть упомянуты, когда речь идет о современной литературе мира, и которые были бы желанными гостями съезда, но не имеют возможности воспользоваться приглашением советских писателей. Нужно ли объяснять, какие причины помешали, например, Говарду Фасту приехать в Москву, и нужно ли говорить о том, что его голос — голос настоящего большого художника и мужественного борца — все равно, вопреки всем, кто его преследует, прозвучит там, где пойдет речь о судьбах сегодняшней литературы?

Двадцать лет назад, в дни Первого съезда советских писателей, определяя важнейшую тему, которая стала в те годы перед всеми деятелями культуры, Горький сказал: «Революционный интернационализм против буржуазного национализма, расизма, фашизма — вот в чем исторический смысл наших дней».

Последующие годы мировой истории показали, как много сделали прогрессивные писатели мира своими книгами и своей общественно-политической деятельностью в борьбе против фашизма.

В годы наступления фашизма и гитлеровской агрессии против народов Европы настоящие писатели были в первых рядах борьбы за освобождение народов. В их героических биографиях было осуществлено великое единство слова и дела, подвига писательского творчества и гражданского подвига. В ночи, которой фашизм хотел навеки окутать земной шар, они, как Данко пылающее сердце, подняли свои книги, свои стихи, свои песни... Среди тех, кто выступил против фашизма, были и ветераны прогрессивной мировой литературы, такие, как Мартин Андерсен Неске, за печатями которого к началу второй мировой войны были долгие годы жизни и десятки написанных томов, были и литераторы, только начинавшие писать...

Некоторые из них боролись в подполье, другие сражались на фронтах войны против фашизма.

Никогда не будут забыты в истории мировой прогрессивной литературы, в истории битвы свободной и пламенной человеческой мысли против мрака и насилия имена и произведения Федерико Гарсиа Лорки, Николая Валпарова, Юлиуса Фучика, Худея Грга и многих, многих других писателей, погибших в этой борьбе.

Борьба с фашизмом, которая привела в движение все силы народов, определила героический пафос прогрессивной литературы периода второй мировой войны. Недаром на до сих пор восхищает и изучает политическая лирика французского Сопротивления.

Материал тех лет на годы стал источником тем прогрессивной литературы мира. И это понятно: тема народного сопротивления отнюдь не стала в послевоенные годы темой лишь исторической. Недаром выходящий французский прозаик Арагон дает ответы на самые острые и aktuelle проблемы послевоенной современности в романе «Коммунист», действие которого происходит в 1939/40 году, а Жорж

Амаду, рисуя широкое полотно народной жизни Бразилии и борьбы бразильской Коммунистической партии, начинает цикл романов с того же исторического периода книги «Подполье свободы».

Велика в послевоенные годы роль прогрессивных писателей в движении сторонников мира — этом великом движении современности. Там, где речь идет о судьбах человечества и его культуры, — там настоящий художник слова не может оставаться равнодушным, не может остаться в стороне. С радостью и вместе с тем с ясным пониманием, что иначе и быть не могло, видим мы среди организаторов и самых активных участников движения миролюбивых сил прославленных писателей всех стран и народов. Их участие во многом способствовало тем успехам в расширении культурных связей, в усилении взаимопонимания между народами мира, которые достигнуты за последнее время.

Сознание того, что они защищают прекрасное и благородное дело, придает творчеству писателей — участников движения миролюбивых сил — новый размах.

Недаром за последние годы зарубежными писателями создано так много замечательных произведений, вдохновленных идеями борьбы за мир. Недаром книга, где собрано всего по одному — по два стихотворения, посвященных борьбе за мир, различных поэтов земного шара (разумеется, далеко не всех!), составляет огромный том!

В произведениях прогрессивных зарубежных писателей — изображают ли они недавнее или более далекое прошлое — они обращаются к сегодняшнему дню — возлагают образы простых людей разных стран, образы трудового человечества, его повседневной жизни, его борьбы, его чаяний. И это делает их книги особенно дорогими и понятными советским читателям.

В любой советской библиотеке — от больших библиотек заводских дворцов культуры до скромных передвижек — можно убедиться, как большим читательским спросом пользуются книги зарубежных прогрессивных писателей. Здесь выявляется воедино интерес к литературе и интерес к народу и стране, жизнь которых она отражает.

Советские читатели с интересом встречают книги различных зарубежных писателей. Нашими друзьями являются все честные писатели мира, каждый писатель, который правдиво отражает действительность, который верен требованиям большого реалистического искусства, которому дорога культура его народа и всего человечества.

За последние годы все чаще и чаще творчество зарубежных писателей становится темой читательских конференций, на которых рядовые читатели — рабочие, колхозники, служащие, учащиеся — выступают с докладами, говорящими не только о большой заинтересованности, но и о серьезных познаниях.

В нашей стране издается много книг зарубежных писателей. Об этом говорят цифры: опубликованные недавно в нашей газете. Но и этого количества оказывается недостаточно.

Общественная критика недостатков работы издательств в области выпуска современной зарубежной литературы исходила из все возрастающих запросов читателей. Помяну об этих запросах, печать говорила не столько о несомненных достижениях в деле перевода и пропаганды зарубежной литературы, сколько о том, что есть необходимо сделать в этой области.

Тем же интересам продвигать и неоднократно прозвучавшее перед съездом предложение литературной и читательской общественности возобновить издание журнала типа «Интернациональной литературы», выходящего в товарищеские годы.

Советское литературоведение имеет достижения в изучении зарубежной прогрессивной литературы, но сделать в этой области прорыв гораздо больше, чем сделано до сих пор. Нам нужны очерки по различным литературам мира, нужны монографии об отдельных писателях, нужны сборники проблемных статей.

Для нашей литературной критики настала пора шире и глубже, чем это имело место до сих пор, заниматься вопросами советской литературы, обращаться к опыту литературы стран народной демократии, к опыту всех прогрессивных писателей мира.

Зарубежные писатели, особенно сейчас, в период подготовки к съезду, во многих своих выступлениях говорят о широком и благотворном влиянии, какое оказывает на развитие мировой прогрессивной литературы опыт советской литературы. Мы благодарны нашим друзьям за эти высокие оценки. И мы никогда не забываем о том, что отношения наших литератур — процесс двусторонний, обоюдный.

Каждую национальную литературу необходимо изучать, исходя из ее конкретной истории, из ее национальных традиций. Но вместе с тем, особенно в наше время, и по отношению к литературе в том числе и по отношению к литературе мира, в том числе и по отношению к литературе прогрессивной литературы, нельзя по-настоящему изучить и понять, не учитывая постоянного и плодотворного процесса взаимообогатления всех прогрессивных литератур мира. При всем индивидуальном и национальном своеобразии творчества лучших мастеров слова современности, их, как хорошо сказал в предисловии к русскому изданию своих стихотворений Назым Хикмет, связывает общий язык, язык стремления к прекрасному, к правде, к справедливости.

Об этом общем деле современной прогрессивной литературы, о ее борьбе за торжество прекрасного, за торжество справедливости, за мир, за честь и свободу народов пойдет речь на Втором съезде писателей.

125 тысяч участников предсъездовских встреч

Подготовка ко Второму съезду писателей ознаменовалась творческими отчетами и собраниями перед московскими. Только за два месяца в столице состоялось свыше 400 литературных вечеров, на которых побывало почти 125 тысяч человек. 275 прозаиков, поэтов, драматургов выступили на этих вечерах.

Много интересных встреч происходит в дни съезда. Составляется вечер с участием представителей литератур союзных и автономных республик, краев и областей Российской Федерации. Жители столицы познакомятся с творчеством зарубежных писателей, приглашенных на съезд.

К СВЕДЕНИЮ ДЕЛЕГАТОВ ВТОРОГО ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Правление Союза советских писателей СССР сообщает, что открытие Второго всесоюзного съезда советских писателей состоится 15 декабря 1954 года, в 4 часа дня, в зале заседаний Большого Кремлевского дворца.

Регистрация делегатов съезда начинается с 13 декабря 1954 года в здании правления Союза советских писателей СССР (ул. Воровская, 52).

Правление Союза советских писателей СССР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 147 (3331)

Суббота, 11 декабря 1954 г.

Цена 40 коп.

Собрание писателей Ленинграда

Смелее братья за главные темы современности

В течение трех дней проходило собрание писателей Ленинграда.

С докладом о работе правления ленинградского писательского организации выступил В. Кочетов.

Наличие литературы и искусство, сказал он, направляются заботливой рукой Коммунистической партии. Громадное значение для развития нашей литературы, для повышения ее идейно-воспитательной роли имело постановление Центрального Комитета партии о журналах «Звезда» и «Ленинград». Это постановление, как и постановление о репертуаре драматических театров и о кинофильме «Большая жизнь», стало для работников литературы и искусства программой борьбы против бездельности и апатичности.

Большая работа, которую проделали литераторы Ленинграда, выполняя указания Центрального Комитета партии, заслуживает высокой оценки. Помогая ей в значительной мере изжить групповизм, повысить идейно-художественный уровень произведений.

Говоря о возросшей творческой активности ленинградских писателей, докладчик назвал произведения, получившие широкое признание читателей: «Небо и земля» В. Саянова, «Ветер с юга» Э. Грина, «Спутники» В. Пановой, «Генералиссимус Суворов» Л. Раковского, произведения О. Фортиса, Н. Никитина, А. Прокофьева, П. Журбы, Л. Пантелеева, А. Голубевой, В. Бианки и другие. За последние годы появились такие произведения, как крупный исторический роман «Россия молодая» Ю. Германа, «Я увижу Москву!», Ж. Гаузер, «Грозный год» Г. Холопова, «Большая судьба» Е. Федорова и ряд других.

Среди произведений, посвященных изображению советского рабочего класса, докладчик называет «Бронзовую палку» и «Дальнюю дорогу» Е. Катери, «Дни нашей жизни» В. Кетлинской, роман «Искатели», с которым недавно успешно выступил Д. Гранин, новый роман В. Саянова «Страна родная».

В отряде ленинградских поэтов — немало талантливых людей. Советский читатель хорошо знает своеобразные стихи А. Прокофьева, произведения О. Берггольц, В. Саянова, песни А. Чуркина. Крепнет поэтическое мастерство М. Дудина, свой голос и свои темы у таких поэтов, как А. Чивилихин, А. Решетов, Б. Беккуз, С. Орлов, Г. Пагирев, И. Авраменко. Однако в очень многих поэтических произведениях все еще встречается расуодность, риторичность. Такие стихи не задевают ни мысли ни чувств читателей.

Нельзя сделать ленинградскими литераторами, пишущими для детей. Плодотворно работают переводчики. Ряд писателей стойко трудится в области научно-художественной литературы, научной фантастики, приключенческого жанра. Есть некоторые успехи и в области критики и литературоведения, хотя критика наша все еще сильно отстает от развития современной литературы.

Преждемудрым слабым остается драматургия. Ленинградские драматурги за последние годы не создали сколько-нибудь значительных произведений. Это обидная вина и самих драматургов и театров, крайне мало и неохотно работающих с местными литераторами.

Наша литература, сказал докладчик, росла и развивалась в борьбе против всех и всяческих попыток столкнуть ее с позиций партийности, ясности и четкой целенаправленности. Такой попыткой являлась пресловутая «теория» бесконтактности, такими попытками были пропущены и нигилистическим отношением к нашей литературе статьи ряда критиков из «Нового мира». Писатели Ленинграда своевременно разобрались в порочности и вредности этих статей.

Прямой и резкой критикой подверглись в Ленинграде недостатки повести И. Эрнбурга «Оттепель» и романа В. Пановой «Времена года». Говоря о «Временах года», докладчик отметил, что В. Панова в этом произведении отошла от метода социалистического реализма, встала на путь объективистского изображения действительности.

В. Кочетов подробно говорил о воспитании молодого поколения литераторов, об успехах талантливой писательской молодежи. В Ленинграде вышли отдельными книгами или опубликованы в периодической печати произведения А. Сторожко, В. Никуля, В. Дягилева, В. Кукункина, В. Торопкина, А. Володина, В. Левиной, М. Шитова, Н. Дементьева. Недавно выпущены сборник рассказов и сборник стихотворений молодых авторов.

Молодые авторы часто обижаются, что путь их произведений от письменного стола к прилавку книжного магазина очень и очень тернист. Иной раз тернии эти творческие, а иногда канцелярско-бюрократические. Последние необходимо сметать с дороги молодых. Надо поднять значимость комиссии по работе с молодыми авторами, сделать эту комиссию более энергичной и авторитетной. Союз писателей должен радоваться за счет притока новых, молодых сил, чего не наблюдается за последние годы в Ленинградском отделении ЦСП и в ряде других писательских организаций.

Обсуждения важнейших идейно-творческих вопросов должны вестись при участии широкой писательской общественности. Надо чаще созывать общие собрания, ставить острые дискуссионные вопросы. В их обсуждении писатели охотно примут самое горячее участие. Пример тому — дискуссия о положительном герое, проведенная в Ленинграде минувшей осенью.

Другой путь активизации писателей — поручение им конкретной работы. У нас часто слышны обиды: вот, мол, они и те же люди сидят в правлении, в редисках, в Литфонде, в редакции «Звезды» и т. д. Подобное положение явно ненормально. Надо сшить влившее время с одних и более равномерно распределить общественные обязанности.

Анализируя деятельность редакции журнала «Звезда», В. Кочетов отметил, что за последние годы в этом журнале напечатан ряд значительных произведений, что решения о публикации каждого произведения выносятся коллегиально. Но не все еще в работе журнала благополучно. Можно и нужно улучшить работу отделов очерка, публицистики, поэзии, критики, лучше редактировать рукописи.

В последнее время регулярно выходит «Ленинградский альманах», в котором интересно представлены отряды очерка, науки, нового в технике. Альманах стал хорошей кузницей молодых литературных сил.

Аплодисментами встретило собрание сообщение В. Кочетова об открытии в Ленинграде второго литературно-художественного журнала.

Докладчик критикует работу Ленинградского отделения издательства «Советский писатель». У работников отделения, говорит он, странные вкусы: с необыкновенной поспешностью они выпускают иной раз серию, подражательные, мелкие по тематике и не проявляют интереса к произведениям молодых авторов, пишущих на острые темы современности.

Советские люди любят своих писателей, говорит В. Кочетов, любят с ними встречаться, разговаривать по душам. И писатели любят и ценят встречи с читателями. За два последних года состоялось свыше 4 тысяч встреч ленинградских писателей с читателями. Однако нельзя ограничиваться только такими средствами общения. Писатель должен активно участвовать в жизни народа, обязан быть общественным деятелем. Такова уж его должность.

Второе условие, без которого мы не сможем двигаться вперед, — всемерное развитие критики и самокритики. С критикой и самокритикой у нас все еще плохо. У нас еще немало критических выступлений, которые строятся по весьма нехитрой схеме: мою книгу не издали, следовательно, в издательстве, в правлении сидят люди, которых надо гнать; меня не упоминают в газетном отчете, следовательно, газета работает плохо, и т. д.

Мы достигли немалых творческих успехов, сказал в заключение В. Кочетов. Но мы еще в громадном долгу перед народом. Мы еще мало пишем о рабочем классе, а тому, как не ленинградцам, писать на эту тему. Мало написано книг и о нашем колхозном крестьянстве, о селе, где сейчас происходят большие события.

Будем же смелее братья за главные темы современности, будем и впредь верны принципу партийности советской литературы, будем создавать произведения, которые были бы острыми и могучими оружием партии в борьбе за построение коммунистического общества.

С докладом о работе ленинградских прозаиков выступил В. Друзин. Он отметил, что писатели Ленинграда внесли большой вклад в создание образа положительного героя. Остановившись затем на проблеме конфликта, В. Друзин проанализировал ряд крупных прозаических произведений, вышедших за последнее время, и смело охарактеризовал работу ленинградских литераторов в области таких жанров, как повесть, рассказ, очерк.

Как было отмечено участниками собрания, в частности, А. Бартаном и Ю. Германо, доклад В. Друзина не отличался достаточной глубиной и четкостью, а некоторые выдвинутые им положения остались неаргументированными.

Не удовлетворил многих участников собрания и доклад В. Саянова, посвященный работе ленинградских поэтов. Как справедливо отметили О. Берггольц, А. Прокофьев и другие, докладчик руководствовался, главным образом, стремлением «никого не обидеть». В самом деле, В. Саянов, сделав в начале заготовку о том, что критика якобы замалчивает деятельность ленинградских поэтов, ограничился краткими, комплиментарными характеристиками творчества каждого из 45 членов поэтической секции.

Столь же перечислительный характер носил и доклад А. Дымшица, посвященный деятельности ленинградских переводчиков. Только в самом конце А. Дымшиц коснулся серьезных, принципиальных вопросов теории и практики художественного перевода.

О работе ленинградских критиков и литературоведов рассказал в своем докладе В. Базанов. Ленинградские литературоведы создали много ценных работ. Посвященные прошлым литературным эпохам, эти работы в то же время служат живым интересам сегодняшнего дня. Исторический литературовед сумел показать выдающиеся значение в истории русской культуры Радищева и Пушкина, декабристов и Пушкина, Белинского и революционных демократов 60-х годов, много сделал в области восстановления в гражданских правах незадолго забытых писателей и целых литературных направлений. Колледж Института русской литературы Академии наук СССР работает над созданием «Истории русской литературы».

К сожалению, В. Базанов говорил в своем докладе, главным образом, о достижениях коллектива Института русской литературы, между тем известно, что творческая деятельность этого важного центра

литературоведения неоднократно подвергалась суровым критике.

В докладе о писателях, работающих для детей, Е. Шварц, рассказал о деятельности большой группы литераторов и разобрав их произведения, отметил, что за последнее время выходит очень мало книг для детей среднего возраста и дошкольников. Е. Шварц резко критиковал Ленинградское отделение Детгиза за чрезвычайную медлительность, нерешительность, за противоречивость требований, предъявляемых авторам детской книги.

— Нам жизненно необходим свой, ленинградский, детский журнал, — сказал в заключение Е. Шварц. — Журнал даст возможность быстрее знакомить читателей с новыми произведениями, поможет организовать уже имеющиеся кадры детских писателей и вырастить новые.

Перечислив почти все, что создано ленинградцами в области драматургии и кинодраматургии за последние несколько лет (сделать это было нетрудно), Б. Чирсков в своем докладе попытался вскрыть и проанализировать причины отставания этих важных участков нашей литературы. Показанные на сцене пьесы ленинградских авторов исчисляются немногими единицами. С 1949 по 1951 год ленинградские драматические театры поставили 25 пьес местных авторов, а за такой же срок с 1952 по 1954 год — лишь 7, из них в 1954 году — только 2. Между тем драматургическая секция в Ленинградском отделении ЦСП — одна из крупнейших в стране. И членов ее нельзя упрекнуть в бездеятельности. Известно, что в последние годы ими написано свыше 20 пьес. Однако в силу тех или иных причин эти пьесы не попали на сцену. Недостаток мастерства, иногда слабое чувство жизни и ее требовательности, поспешность и невзыскательность в своей работе — вот первая общая причина такого ужасного процента брака. Давно не пишут для театра опытные художники Л. Рахманов, Ю. Герман, В. Панова и другие.

В создавшемся положении повинны прежде всего Союз писателей и его руководители, которые обнаруживают устойчивое равнодушие к драматургическим делам. Никаких усилий помощи комиссия по драматургии ЦСП СССР в жизни ленинградских секции обнаружить невозможно. Руководители Ленинградского отделения ЦСП не бываю на собраниях секции, новые пьесы не обсуждаются на секретариате и правлении. Неудовлетворительно работает и сама секция.

Кроме одного случая, все пьесы ленинградских авторов, поставленные за два последних года в Ленинграде, раньше были показаны театрами Москвы. Даже такая значительная и безусловно интересная пьеса, как «Семья Журбиных» В. Кочетова и С. Кара, до сих пор не поставлена в Ленинграде. Ленинградские театры привыкли жить пассивным ожиданием готовой, апробированной пьесы. Трудно не только поставить, но и напечатать пьесу. Ленинградское отделение издательства «Искусство» теперь лишено права самостоятельного издания пьес. Толстые журналы, в том числе и «Звезда», критические статьи о пьесах не печатают.

Вопросы, поднятые Б. Чирсковым, нашла поддержку в выступлениях Б. Лавринева, А. Минчковского, А. Разумовского, К. Сиমনова. — В интересах расцвета нашего театра, — сказал К. Сиমনов, — нельзя допустить обратного «сползания» в бюрократический метод мелкой, ненужной опеки пьесы в многочисленных инстанциях. А о том, что такое сползание намечается, свидетельствует инструкция о порядке представления, рассмотрения и распространения драматургических произведений, разработанная Главным управлением театров. Мелочная опека не есть надежный государственный контроль, это — результат недозория к разуму и квалификация людей на местах. Нет никаких оснований к такому недоверию, кроме перестраховки и каких-то бюрократических привычек.

Собрание с недоумением встретило заявление Г. Матвеева, который ватова за немедленную «ликвидацию» вообще всех органов контроля над театральным репертуаром. Это требование справедливо было оценено рядом ораторов, как неправильное.

По вопросам кинодраматургии выступил А. Попов. Он указал, что к работе над кино писателей, и говорил о тех трудностях, с которыми приходится сталкиваться сценаристам.

Ряд выступлений был посвящен вопросам поэзии. А. Прокофьев говорил о тех серьезных и обоснованных требованиях, какие сейчас предъявляют поэтам читатели, о необходимости всемерного оживления деятельности поэтов. Он полемизировал с М. Шеттером, который в статье «Высказанность и доброжелательность», впадет в старую ошибку, грубо и безоглядно раскритиковал сделанный Н. Брауну перевод стихотворения П. Тычины «Чувство семьи единой», и возразил Б. Соловьеву, в статье которого «Поэзия и правда» («Звезда», № 3) неправильно оценены стихи М. Дудина.

О недостатках литературной критики, занимающейся поэзией, говорил С. Орлов. В заключительной части своего выступления он критикувал секретариат Ленинградского отделения ЦСП за невнимание к молодым поэтам, за слабую помощь им.

Вопросы поэзии были посвящены также выступлениями М. Дудина, А. Решетова, Г. Семенова, Л. Хаустова. Работник Выборгской городской библиотеки А. Хлебников говорил об огромном

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Собрание писателей Ленинграда (1 стр.).
А. Лебедев. — В отрыве от художественной практики (2 стр.).

Вера Смирнова. — Народный поэт (3 стр.).
ПРЕДСЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА. И. Ефремов, А. Студитский, Л. Жигарев. — О литературе крылатой мечты (3 стр.).

Двадцатилетие (3—4 стр.).
Единственный путь. По страницам иностранной печати (4 стр.).

Овид. С. Крохмальниану. — Положительный герой в новой румынской прозе (4 стр.).

интерес к произведениям о молодежи, о том, как нужны хорошие, сильные книги о любви. Советские писатели должны также средствами художественной литературы пропагандировать достижения науки и техники, создавать произведения научно-фантастического и приключенческого жанра.

О проблемах развития научно-художественной литературы, об укреплении творческих связей между писателями и деятелями науки и техники говорили Н. Верзилин и В. Даниловский.

Выступление секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ В. Шумилова было посвящено роли советской литературы в воспитании молодежи.

О проблемах сатиры говорили М. Левитин и И. Зенитов. Они отметили, что в Ленинграде не создано нужных условий для плодотворной работы сатириков. Отдел сатиры в «Звезде» не появлялся уже несколько месяцев, в местных газетах этот отдел тоже влечет нездоровое существование. Давно не слышен голос сатириков и в передачах ленинградского радио. Отделения двух основных литературных издательств в Ленинграде — «Советского писателя» и Гослитиздата не выпустили за последние годы ни одной книги сатиры.

Выступление М. Аузова было посвящено задачам укрепления связей между братьями-литераторами народов СССР.

Б. Полевой дал положительную оценку произведениям ряда писателей-ленинградцев, посвященным теме творческого труда советского народа, показу советского человека с его богатым внутренним миром мысли и чувств. В романе В. Кетлинской «Дни нашей жизни», в романах В. Кочетова «Журбины» и Д. Гранина «Искатели» изображены живые люди, реальные конфликты, с большой полнотой раскрыты чувства, мысли, взаимоотношения советских тружеников.

Говоря о конкретности и доказательности критики, Б. Полевой напомнил о том, как хвалили писателя произведения В. Пановой и никто из критиков не увидел ни в «Кружжиках», ни в «Ясном берегу» тех объективистских тенденций, которые получили развитие во «Временах года». Между тем следовало бы своевременно разъяснить с дружескими позиций автору романа, большому, талантливому художнику и нашему товарищу, в чем ошибки, помочь исправить их.

О том, как важна для писателя современная товарищеская критика, говорила и Е. Катери. В нашей литературной критике, отметила она, есть बहुत вредный обычай: полагает человек в имя тех, которых хвалят, и копчет его имя в статье, из доклада в доклад полагает писатель в ряд критикующих, и в каждой статье, в каждой рецензии его имя сползается годами, и уже обычно без какой-либо аргументации.

Ю. Герман говорил о необходимости тщательно обсуждать рукописи каждого нового произведения. Мы проводим много полезных дискуссий, спорим, встречаемся с представителями разных профессий, слушаем доклады, учимся, обсуждаем вышедшие из печати книги, но основа основ всей нашей работы — рукопись романа, повести, поэмы — обсуждается чрезвычайно редко. Польза же от обсуждения будущей книги всегда существует, во всяком случае, большая, чем от обсуждения романа, вышедшего из печати и уже имеющего успех — положительный, отрицательный или средний.

Участников собрания не удовлетворило выступление К. Носичкина, пытавшегося внести в прения дух групповщины.

В прениях принял участие также В. Вечтомова, В. Воеводина, П. Далецкий, В. Дягилев, О. Матюшина, Г. Мирошницкий, И. Неручев, Н. Никитин, К. Коничев, Г. Холопов, В. Рождественский и А. Тигранов.

Во многих выступлениях критиковалась работа правления и секретариата Ленинградского отделения и руководящих органов ЦСП СССР. Ряд критических замечаний был высказан в адрес «Литературной газеты». Резкой критике подверглась деятельность комиссий по приему в Союз советских писателей. Выступавшие вносили предложения в наказ делегатам, которые будут представлять ленинградскую писательскую организацию на съезде.

В конце собрания выступил секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ Г. Козлов. Он рассказал о тех задачах, которые решает областная партийная организация, охарактеризовал достижения и недостатки в работе писателей Ленинграда и призвал ленинградских литераторов к новым творческим успехам.

Следует отметить, что собрание писателей Ленинграда могло бы быть значительно плодотворнее, если бы доклад В. Кочетова был более конкретным и самокритичным, если бы правление Ленинградского отделения ЦСП не пыталось контролировать программу заседаний предстоящего съезда, включая в повестку дня шесть докладов, часть которых, как уже говорилось, не удовлетворила участников собрания.

На собрании избраны новый состав правления Ленинградского отделения ЦСП и делегаты на Второй всесоюзный съезд советских писателей.

Вчера состоялось заседание нового правления. Избран секретариат в следующем составе: А. Прокофьев, Г. Холопов, А. Чивилихин, В. Саянов, В. Панова, Д. Гранин, С. Орлов.

Ответственным секретарем Ленинградского отделения ЦСП избран А. Прокофьев.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.).

В ОТРЫВЕ ОТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

По страницам журнала «Вопросы философии»

Искусство призвано эстетически отражать и оценивать действительность — в этом его огромная сила, сила непосредственно эмоционального воздействия на людей. Вот почему оценка критикой каждого нового произведения так волнует людей, казалась бы, очень далеких от литературной жизни. И не потому ли столь настойчиво ищет сейчас читатель приключений, которые уже привычно именуется «отставанием критики»?

Но в разговорах и спорах о состоянии критики до сих пор не принимается активного участия группа людей, которые имеют к этому самое непосредственное отношение. Это наши философы.

Есть ряд вопросов, решение которых оказалось не под силу одним критикам и занятым которыми был прямой долг философов. Было так, что путаница, казалось бы, в глубине теоретических проблем обобщалась серьезными ошибками в практике литературной жизни. «Слабые места» и проехи в нашей эстетической теории не раз открывали возможность для провинциализма в области искусства чуждых влияний, враждебных идей. Чтобы убедиться во всем этом, достаточно вспомнить некоторые дискуссии последнего времени. Как бы, к примеру, могли помочь не только критику — всему искусству — наши философы, вмешайся они во-время в обсуждение вопроса о принципах советской сатиры! Ведь здесь, по существу, речь идет о характере и природе противоречий в нашем обществе. Строже плодотворной, безусловно, оказалась бы помощь философов и в дискуссии о положительном герое, об эстетическом идеале художника и критика...

А проблема мировоззрения и творчества! В ней сложился путь решения вопросов и о многообразии нашей литературы, и о правомерности различных течений в социалистическом реализме, и о многом другом, с чем, в конечном счете, тесно связаны пути развития искусства. Но и эти проблемы не привлекали внимания наших философов.

И, наконец, центральная, узловая тема всех теоретических дискуссий — проблема типического... У нас есть четкое научное определение типического в реалистическом искусстве, но чаще всего эта формула механически повторяется, цитируется, и очень редко можно отметить стремление конкретизировать ее, применить к делу...

Нельзя отрывать эстетику от критики, потому что именно в единстве с критикой может обрести наша эстетика силу и действительность, свойственные подлинной науке. В то же время и критика, не поднимаясь до теоретических обобщений, теряет свою научность, неизбежно скатываясь к эмпиризму в анализе, к эклектике и вкусовщине в оценках.

Особенно остро все эти вопросы встают именно сейчас, в канун съезда писателей, когда подводят итоги литературного развития и когда это, естественно, требует глубокого осмысления основных закономерностей нашего искусства.

Неверно, конечно, было бы утверждать, что у нас ничего не делается в этой области. Некоторое оживление начинает чувствоваться и здесь. Но нельзя забывать об опасности, что эта работа никак не планируется, не направляется. А между тем у нас есть печальный орган, который должен был бы ставить важнейшие вопросы развития нашей эстетической мысли. Это журнал «Вопросы философии». И достижения и недостатки в работе отдела эстетики этого журнала в значительной мере отражают общее состояние нашей эстетической мысли.

Перед нами номера журнала за 1953—1954 г. Тут статьи и об эстетике Чернышевского и о некоторых принципах типизации в сатире Маяковского, работы, посвященные борьбе В. И. Ленина против вульгаризаторских воззрений Пролеткульта на искусство, и работы о социалистическом реализме в зарубежной литературе.

Наибольший интерес, конечно, представляют здесь работы по основным проблемам философии искусства. Прежде всего это относится к статьям, посвященным одному из важнейших вопросов марксистско-ленинской эстетики — специфике искусства. Статьи А. Бурова (№ 5 за 1953 г.), В. Кеменова (№ 4 за 1953 г.), А. Егорова (№ 4 за 1954 г.) и некоторые другие материалы, помещенные в отделе, в целом существенно дополняют опыт наших исследований в области эстетики не только рядом весьма ценных наблюдений, но и некоторыми принципиальными обобщениями. Статья А. Бурова «О специфике содержания и формы в искусстве» вносит, на наш взгляд, нечто новое в решение вопроса о природе художественного обобщения.

Автор отчетливо и конкретно формулирует вопрос о специфике содержания. А Буров высказывает положения, направленные против теоретических основ вулгарного рода вульгарно-социологического упрощения как в анализе художественных произведений, так и в художественной практике — в подходе самого художника к объекту изображения. Утверждение специфика, особой природы содержания искусства и является логическим выводом из вышесказанного. Но вопрос о соотношении логической и образной форм познания не нашел, на наш взгляд, в этой статье четкого решения. Тут автор иногда очень неясно формулирует свою мысль. «Чтобы уловить сущность социально-исторического явления», — пишет, например, А. Буров, — художник, безусловно, прибегает к помощи разума, логического мышления, и, следовательно, какого-то предварительного логического оформления ее».

Но что же должен «предварять» разум? Художественную интуицию? Какое-то «вне» или «над» логическое чувство?

Думается, что подобные положения и дали основание Г. Николаевой, выступившей позднее на страницах журнала по тому же вопросу, отметить «намечавшиеся» в указанной статье «противопоставление художественного мышления научному».

Впечатление незавершенности оставляет вся вторая часть статьи, посвященная специфике художественной формы. На то, что вопрос о художественной форме слабо освещен в работе А. Бурова, совершенно верно указывает А. Егоров в своей статье «К вопросу о содержании и форме в искусстве». Но и в статье А. Егорова, содержащей ряд интересных положений, этот вопрос не освещен достаточно ясно, многие положения автора абстрактны.

«Принципы и элементы построения художественного произведения», — пишет А. Егоров, — являются своеобразным отражением закономерностей развития объективного мира и правильны постольку, поскольку соотносятся с объективной действительностью». Но ведь весь вопрос заключается как раз в том, какого рода своеобразие лежит в основе отражения объективных закономерностей в искусстве.

К сожалению, подобные формулировки — не исключение в статье. Той же неопределенностью грешит и заключительный вывод А. Егорова: «...форма — это внутренняя организация, структура художественного произведения, которая создается при помощи специфически присущих данному виду искусства материальных образных средств и которая выявляет, закрепляет и выражает его содержание».

Нельзя сказать, что это положение неверно, но оно весьма общо, и мало что объясняет. Дело же, думается, в том, что, говоря о специфике искусства, об особенностях его формы и содержания, авторы двух указанных статей обошли вопрос об эстетической сущности формы и содержания в искусстве, о красоте в произведениях искусства — один из центральных вопросов в проблеме специфики художественного произведения. Но рассмотрение именно этого вопроса представляет, очевидно, наибольшую трудность. И прежде всего потому, что решение его предполагает разработку основных эстетических категорий, механическое же перенесение на область искусства общесоциологических положений может привести и, как видим, приводит здесь лишь к абстрактному теоретизированию.

В Кеменов в статье «Об объективном характере законов реалистического искусства» стремится разграничить в соотношении таких категорий, как народность, классовая сущность искусства, реализм. Интересно и доказательно анализирует автор проблему типического в реалистическом искусстве, выявляя объективный характер этой категории, открывая связь ее с вопросом о народности художественного произведения. Но когда речь заходит о собственно эстетической сущности искусства, как одном из объективных его свойств, автор часто удовлетворяется слишком общими положениями.

В Кеменов дает несколько абстрактную, на наш взгляд, формулу, ограничивающую предмет искусства: «Под объективной действительностью, отражаемой в искусстве, надо, следовательно, разуметь не «сырую», дикушу природу, а ту «человеченную» трудом природу, которая в виде промышленности, сельского хозяйства, архитектуры, предметов быта, культуры и т. д. образует мир, созданный из вещей природы, преобразованных самим человеком».

Автор отсылает читателя к эстетическим свойствам металла, открытым человеком в процессе развития материального производства, и к красоте тканей, постепенно выработанных из дикого животного сырья. Но вместо аргументов подучает кака-то скорговорка: «Восхищение изумительную красоту струящихся складок одежды в античной скульптуре, например, Ника самофракийская или знаменитые моря восточного фронтона Парфенона, торжественный ритм складок одежды на мраморной Минюне и Пожарском И. Мартоа, стремительно развевающиеся складки скульптурных монументов В. Мухомой. Вспомним гармонию и бесконечное красочное богатство различных одежд в картинах Тициана, Веронезе, Гольбейна, Веласкеса, Рембрандта и голландцев, в полотнах Левитана, Рокотова, Гейнсборо. Восхищение изумительную красоту народных одежд и вышивок в картинах Сурикова...».

Вспомнить все это, конечно, можно, но разбирать, сопоставить одно с другим в таком мелькании имен и веков — трудно. Да и суть здесь не в «складках одежд», а в том, что «под объективной действительностью, отражаемой в искусстве», следует «разуметь» жизнь во всем ее многообразии — природу «сырую» и природу «человеченную». И та и другая — предмет искусства. Но не надо их смешивать.

Рамки газетной статьи не позволяют дать более полный анализ указанных работ, но думается, ясно и то безусловно, что в них содержится, ясно и один общий, в разной мере, но все-таки всем им свойственный недостаток. Вместе с тем придется сказать и о серьезном упущении в направлении отдела журнала в целом — рассмотренные работы страдают чрезвычайной общностью; им явно не хватает исторической конкретности анализа. И когда единство логического и исторического в решении проблем искусства, вопрос о «форме вообще», о «специфике вообще» повисает в воздухе, поддерживаемый лишь более или менее извилистыми конструкциями логической схемой. Авторы идут от анализа факта к обобщению, а наоборот — от заранее принятой мысли к факту, и тогда факт становится не предметом научного исследования, а лишь иллюстрацией. Нельзя сказать, что опыт художественной практики совершенно игнорируется в этих работах. Нет, как правило, во всех перечисленных статьях есть указания на те или иные работы классиков русского реалистического искусства, есть ссылки и на произведения наших современных советских художников. Но обычно это лишь фамилии в скобках или упоминание о какой-то детали художественного произведения. Обращение к тем или иным примерам из области искусства не вносит почти ничего нового в понимание художественной природы произведения.

Характерно, что, как правило, когда речь в указанных — и не только в указанных — работах заходит о творчестве классиков русского искусства, авторы окликаются куда более словоохотливыми, нежели в тех случаях, когда им приходится обращаться к сравнительно недавно появившимся у нас произведениям. Это, может быть, и понятно: произведения Л. Толстого или М. Горького дают, конечно, наибольший материал для самых широких обобщений. Но нельзя разрабатывать эстетику в отрыве от художественной практики нашей действительности. Нельзя отрывать теорию искусства от его истории, творческой на наших глазах.

Эстетика, как наука, — не только форма обобщения существующего художественного опыта, она еще и активно воздей-

ствующая сила. Эстетика — общественно-активная наука. И именно в связи с критикой заключено одно из произведений общественно-активной силы эстетики. Прекрасно понимал это Чернышевский. Влияние и взаимопроникновение эстетики и критики — существенная черта подлинно научной эстетики. Отрыв эстетики от критики, от художественной практики вообще есть выражение отрыва ее от жизни.

Столь ощутимый в указанных статьях, этот отрыв сказывается и на направлении отдела в целом: журнал почти не разрабатывает важнейших вопросов теории социалистического реализма. И не случайно, что сейчас, когда страна готовится ко Второму съезду писателей, в 5-м, последнем номере «Вопросов философии» отдел эстетики представлен одной статьей: «Эстетические взгляды Лессинга».

Вопрос о связи эстетики с критикой не есть чисто методологический вопрос. Эстетический анализ истинно-художественной сущности произведения искусства наиболее наглядно выявляет конкретно-политическую направленность эстетической теории. С этой точки зрения не случайно и то, что журнал проходит мимо острых вопросов идеологической борьбы в области искусства. В журнале не было статей, глубоко разбирающих теоретические основы такого рода явлений, как «теория» бесконфликтности или эстетско-идеалистические выступления некоторых критиков из «Нового мира». А надо, чтобы разоблачение этих взглядов было и разъяснение их вредности, критика должна быть здесь в высшей степени убедительной, доказательной. Когда же авторитетный философский журнал обходит молчанием наиболее острые вопросы, то такого рода «нейтральность» выглядит странно. Впрочем, в прошлом однажды случилось так, что журнал вмешался в спор. Речь шла о надстройке искусства. Но обсуждение этого вопроса на страницах журнала не внесло никакой ясности. С тех пор отдел стал очень неохотно предоставлять журнальные страницы для дискуссий, и в конце концов, почти совсем отказался от этой плодотворной формы разработки научных проблем.

В некоторых наших периодических изданиях проводится дискуссия по различным вопросам литературы и искусства. Журнал проходит мимо всего этого, как правило, ограничиваясь информативной. Недавно появились книги, в которых в разной мере удачно, но ставится существенные проблемы теории литературы и искусства. Дают повод для разговора об эстетике и труды по истории театра, изобразительного искусства, музыки. В журнале нет ни одной рецензии на эти книги. Тем самым отдел лишает себя всякой возможности направлять разработку эстетических проблем. Более того, стремление обойти «острые углы» снижает научный уровень помещаемых в журнале материалов, приводит к появлению в нем «обтекаемых» статей.

Вот, к примеру, работа К. Ломунова «Лев Толстой в борьбе за реализм в искусстве» (№ 5 за 1953 год). Уж здесь-то у автора была прямая возможность не ограничиться абстрактными умозаключениями, но нет. Вместо конкретного анализа замечательного наследия великого художника мы находим тут лишь юбилейный фимиам. Работа построена по весьма нехитрому композиционному принципу: «Толстой справедливо указывал...», «Толстой очень хорошо понимал...», «По глубокому убеждению Толстого...» и т. д. Такого рода обороты начинают почти каждую (без преувеличения) фразу статьи. Ясно, что при подобной «методологии» ленинское положение о «кричащих» противоречиях в мировоззрении Толстого, положение, кстати сказать, приведенное в статье, не находит ни развития, ни подтверждения. Мало того, при таком подходе эстетика Толстого становится, как две капли воды, похожа на эстетику Чернышевского. Желание все свести к эстетическим взглядам великого художника, «подтянуть» их к положениям научной эстетики приводит автора статьи к явной модернизации, к отказу от конкретного исторического анализа. Так, К. Ломунов пишет: «...под типизацией в искусстве Толстой понимал концентрацию, обобщение, синтезирование определенных черт, стремление и умение выявить, выразить сущность того или иного жизненного явления, той или иной социальной силы».

Но что же дает подобное механическое перенесение научной терминологии на эстетику Толстого?

И еще об одном существенном упущении отдела эстетики «Вопросов философии». Отдел слабо ведет борьбу с современной реакционной буржуазной эстетикой. В 1953—1954 г. журнал почти не помещал статей, квалифицированно разоблачающих «новейших» эстетиков империализма. И в этом мы видим недостаток боевого, наступательного направления в работе отдела.

Призывая журнал стать ближе к жизни, к гуще событий и дел сегодняшнего дня, мы отнюдь не хотим тем самым ратовать за какую-либо кампанейщину. Кампанейщина, наскок в решении важных дел — тоже форма ухода от сути событий, она срывает объективное славословие. И очень хорошо, что разработка вопросов специфики искусства не свелась на страницах журнала к очередной кампании.

Но если предъявлять к журналу полную мере требований, то надо сказать, что отрыв его от современности не исчерпывается вниманием к проблемам критики и вопросам нашего искусства. Ведь предмет эстетики не может быть сведен к искусству. И если, как это хорошо известно со времен Чернышевского, — не только прекрасное — область искусства, то, в свою очередь, и не только искусство — область прекрасного. Очень хорошо понимал это Горький. Наиболее эстетические ценности, высшую красоту Горький учил находить в том, что наш свободный человек создает в своем замечательном труде и в том, что этот труд создает в нашем человеке. При таком взгляде на вещи не было бы расширения границ эстетики как науки, не было бы возрастающее воздействие ее воздействия на жизнь...

Эстетика — существенная часть философии. Видимо, недостаток журнала связан с недостатками нашего философского фронта вообще. Если усилия философов могли бы помочь избежать отставания эстетики, то, с другой стороны, подьем этого важного участка по многим соображениям был предостережен еще не изжитыми недостатками всей нашей философской науки.

А. ЛЕБЕДЕВ

НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ НАРОДНЫХ СУДОВ

Завтра состоятся выборы народных судей и народных заседателей в десяти союзных республиках: РСФСР, Белоруссия, Казахстан, Азербайджан, Литва, Латвия, Киргизия, Таджикистан, Армения и Казахско-Финской ССР. В остальных союзных республиках выборы состоятся позднее.

Как и в дни прошлых выборов, блок коммунистов и беспартийных выдвинул кандидатами людей, известных народу, авторитетных и преданных делу борьбы за коммунизм. Во всех республиках широко развернулись работы агитаторов, знакомящих избирателей с кандидатами и разъясняющих Положение о выборах народных судов.

В одном Минске работает более 15 тысяч агитаторов. В Киргизии агитаторы выехали в самые отдаленные горные районы, где живут животноводы. Огни агитпунктов зажигаются по вечерам в новых совхозах целинных земель — в степях Казахстана, на Алтае; сюда выехали лекторы и бригады артистов, посланы передвижные библиотеки.

В республиках, где выборы пройдут завтра, заканчиваются все подготовительные работы. Избирательные пункты, размещенные в лучших помещениях городов и сел, нарядно украшены.

Большой предвыборный вечер состоялся на днях в Москве, в помещении Центрального Дома работников искусств. Здесь избиратели Дзержинского района столицы встретились с кандидатами в народные судьи.

Такие же встречи происходили в Петропавловске, Баку, Алма-Ате, в сотнях других городов.

Словарь языка Пушкина

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... писал Н. В. Гоголь еще при его жизни... В нем, как будто в лексиконе, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство». Пушкин по праву считается у нас создателем нового литературного языка. Еще в конце прошлого века были предприняты попытки к созданию словаря пушкинских слов. Однако эти начинания кончались неудачей.

В течение многих лет ведется изучение словесного богатства А. С. Пушкина советскими учеными-языковедами. Пятнадцать лет назад началась работа по составлению картотеки всех слов основного текста академического собрания сочинений А. С. Пушкина. Сейчас эта картотека насчитывает свыше семисот тысяч карточек.

Институт языкознания Академии наук СССР приступил к изданию четвертомю том «Словаря языка Пушкина». Первые два тома выйдут в свет к 120-летию со дня смерти поэта — в 1957 году. В них около 10 тысяч слов. Каждое слово сопровождается специальной статьей, которая раскрывает его значение, разъясняет особые, свойственные Пушкину случаи употребления слов и дает указания о его грамматических и фонетических особенностях. Все слова, отглагольные и фразеологические сочетания, употребляемые в пушкинских текстах, иллюстрируются примерами не только из художественной прозы и стихов, но и из научных критических публицистических произведений, а также из писем поэта. Читатель узнает и те изменения, которые произошли в словарном составе русского языка со времен Пушкина до наших дней.

«Словарь языка Пушкина» выйдет в Государственном издательстве иностранных и национальных языков.

Творческие вечера
С. Михалкова и
Е. Долматовского

В большом зале Политехнического музея состоялся творческий вечер Сергея Михалкова. Вечер открыл В. Катаев. Во вступительном слове Л. Кассиль охарактеризовал творчество поэта. С. Михалков ответил на вопросы и прочитал свои стихи и стихи.

Юбилей поэтессы Е. Трутневой

МОЛОТОВ. (Нах корр.). Общественность города отпела 70-летие со дня рождения поэтессы Евгении Фелоровны Трутневой. Ее стихи много раз издавались в Москве, Молотове, Свердловске. Всего вышло свыше 40 изданий книг Е. Трутневой.

Писательница получила поздравительные телеграммы от Союза советских писателей СССР, редакций журналов и различных организаций.

Дом детской книги — к съезду

В связи с предстоящим съездом писателей Дом детской книги в Москве подготовил ряд изданий. Некоторые из них уже вышли из печати, в частности — большой сборник, включающий статьи и рецензии революционных демократов В. Белинского, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова, посвященные детской литературе.

В прошлом году Дом детской книги предпринял выпуск серии, состоящей из тридцати критико-биографических очерков о советских писателях. Уже вышли в свет очерки об А. Барто, В. Библин, В. Катаеве, М. Мирнякоре, С. Михалкове, Б. Полевом, М. Пришвине. Подготовлены очерк о С. Маршале.

Вскоре выйдет очередной номер ежегодника «Вопросы детской литературы», в котором вошли статьи об отдаленных проблемах детской литературы, о творчестве К. Паустовского, Л. Кассили и другие. 75-тысячным тиражом выпускается второе издание сборника «Писатели — laureаты Сталинской премии».

Журнал «Советское востоковедение»

С нового года начинает выходить новый журнал — «Советское востоковедение» (издание Академии наук СССР).

В журнале будут публиковаться статьи и материалы, освещающие актуальные вопросы истории, экономики, политики, литературы и языков стран зарубежного Востока, в первую очередь восточных стран народной демократии, а также освещающие процессы истории, культуры и достижений народов республик советского Востока.

Большое место в журнале уделяется критико-библиографическим обзорам, рецензиям, сообщениям о новостях востоковедения в СССР и за границей.

Журнал будет выходить шесть раз в год.

На тракторном заводе имени Жданова в г. Владимире при многотиражной газете «Тракторостроитель» создана литературная группа. На снимке: на занятиях литературной группы инженер Г. Васильевский читает свои стихи. Фото В. Зуйкина

Иностранные писатели на Втором съезде

Зарубежные связи советских писателей особенно возросли и развились после войны. Как известно, наша литература пользуется на рубежом огромным успехом и привлекает все возрастающее внимание читателей. Сейчас, перед своим съездом, мы приближились и далеко не полно почувствовали, сколько советских книг издано за рубежом в последние годы. Результаты этих подходов превзошли даже самые оптимистические предположения — количество изданий книг наших писателей превысило 8 тысяч!

Было бы ошибкой, конечно, относить эту необычайную и все возрастающую популярность нашей литературы только за счет ее художественных достоинств. Мы сознаем, что значительная доля любви иностранных читателей к советской литературе объясняется тем, что книги советских писателей служат как бы окном в наш социалистический мир, дают возможность человеку, живущему даже в самой отдаленной от нас стране, познать советских людей — героев нового времени.

Вот почему растут тиражи советских книг за рубежом, вот почему растет авторитет нашей литературы. Это стало особенно заметным в последние месяцы, перед Вторым всесоюзным съездом писателей. Растут личная переписка и знакомства между советскими и зарубежными писателями, увеличивается издание произведений иностранных писателей в СССР. При съезде вышел у нас ряд новых замечательных книг иностранных авторов, среди которых мне хотелось бы назвать рассказы Мао Дуня, «Избранное» Дин Ли, сборник индийских и пакистанских рассказов, поэму Набло Неруды «Всеобщая песнь» и отточенный его стихотворений, роман Жюльи Амаду «Полночь свободы», книги исландского писателя Х. Лакснеса «Атомная станция» и «Самостоятельные люди». Большим тиражом в издании «Роман-газеты» вышел новый роман Д. Олдриджа «Охотник».

Дмитрий ГУЛИА,
народный поэт Абхазии

ЗНАМЯ

Когда вступает знамя в бой,
Оно вперед стремится.
Быстрее, чем огонь степной
Или в полете — птица.

Солдат, свершая подвиг свой,
С тяжелым древком сростя,
И шелк летит над головой
Солдата-знаменосца.

Но знаменосец ранен вдруг,
И насмерть, и тогда-то,
Позвав своих, глядит вокруг,
«Охотник».

Перевел с абхазского Ю. ГОРДИНКО

Чтоб знамя из ослабших рук
Взяла рука солдата.

Поэт! Не так ли счастлив ты,
Свершив свой подвиг, знай:
Друзья при штурме высоты
Твое поддержат знамя.

Ты пал.
Оно идет вперед
В труде и в битве твой народ.

Перевел с абхазского
Я. КОЗЛОВСКИЙ

Мих. МАТУСОВСКИЙ

НАЗЫМ ХИКМЕТ
В ГАГРАХ

Он встретил в Гаграх одесью Хикмета.
Он, кажется, со всеми здешней знаком.
И огненные волосы поэта
И впрямь, как пламя на ветру морском.

Вот он идет, плечистый, большешокий,
С открытым и обветренным лицом.
Не стань поэтом, он бы стал,
...должно быть,
Каменотесом или кузнецом.

Он долго бродит, споря и мечтая,
Пока не станет на море туман,
О Маяковском, о судьбе Китая,
О правде итальянского кино.

И вдруг забыв, что собеседник рядом,
И оборван на полуслове спор,
Невидящим, отсутствующим взглядом
Глядит, глядит в отчаянный простор.

Увидь на взморе сумрачно и сыро,
Гудит прибой, — поди, оставишь,
Что он задумал — речь в защиту мира
Иль новую легенду о любви?

И снова рубит воздух он рукою
И снова дышит яростным огнем.
Как может сердце не болеть такое,
Когда вся боль земли вместилась
в нем...

Так он стоит на республике открытом,
А волны катятся к его ногам
И дальше, отливая малахитом,
Бегут к анатолийским берегам.

Расул ГАМЗАТОВ

О ДРУЖБЕ

Гордишься ты, что многие года
Ничья, спойснью, с бурями не споря,
Друзей не знаешь, то есть никогда
Ни с кем не делишь радости и горе.

Но если даже прожил ты сто лет
И голова, как мудрость, поседела,
Тебе при людях говорю я смело,
Что не родился ты еще на свет.

Перевел с аварского
Я. КОЗЛОВСКИЙ

Максим ТАНК

МЕСЯЦ
НАД ОЗЕРОМ

Снова светит месяц ясный...
Пусть на все годы воспоет он
В сочиненных старых бардах,
В строках вышедших поэтов.

Пусть он стал детально стертой,
Что с взмозем избитым схожа...
Но и в нем, мой критик строгий,
Этот месяц нужен тоже.

Он и впрямь ярко светит,
Над водой плывя высоко.
Видишь, Нарочь серебрится,
Влещет сонная осока.

Так сияет он, затоны
Жемчугами осыпая,
Что: «И я с тобой...» — шепнула
Мне: «Ибачка молодая».

А возьми да не взойди он
Над озерною волною —
И соседка на рыбалку
Не поехала б со мною.

И стихов бы не слонял я
О его извечной власти,
И была б земля беднее
На одно лозное счастье.

Перевел с белорусского
Я. ХЕЛЕМСКИЙ

Предельные новеллы — «Труба терпенья», «Гарibaldiец», «В чем утешенье», «Последняя весна Садьи», но душа его поэзии — лирическая поэзия, короткий стих, рожденный одним дыханием, ярким и сильным, как чувство и мысль, его родинки.

Народный поэт

Вера Смирнова

Многие бесчисленные орденоносцы и лишь в наше время стала свободной, мирной и цветущей. Все образы здесь — из арсенала древних битв народа: меч и броня, и щепки трубы, и молнии стрел; но грозно гремит и в этих старых доспехах живая великая любовь поэта к родной земле, ненависть к поработителям. Мы узнаем в этих строках народного ашуга — того, кто в песнях свободен, как брат с братом, но говорит с вершинами родных гор.

Ты, Арагац, алмазный шит Для молнийных клинков. Хрустальный твой шафер стоит Приютом облаков. ... О Арагац, как сто козлов, Горят дуга твои. Живым пылаем цветом Журчат, бегут ручьи. Шумит веселый водопад Январные вина, Озера чистые блестят, Прозрачные до дна.

Еще в юности, более думой о тяжелой доле своего народа, своей прекрасной, но угнетенной и нищей отчизны, поэт писал: Чтоб прочь отвести от тебя печаль, Мне тысячу раз умереть не жалко. Одну бы жизнь оставил себе, И ту — чтобы петь о твоей судьбе... И он был не певцом всю жизнь, все лучшие чувства и мысли отганы им родной землей; переселившись в столицу — Армения живет в его стихах. Даже в изгнании, в чужих странах мысль о ней, память о ней неотделима от поэта, он слышит ее зов, как зов матери: Скорее, джан, вернись домой, Любимый мой, желанный мой! Ручьи стекают с гор родных, Ручьи бегут из глаз моих, Вернись — тогда б мой плач утих!

Вместе со своей страной поэт пережил время надежд и разочарований — революцию 1905 года и годы реакции. Он был в «околотке свободы», мечтал о «союз братском, боевом народов волеющих», он создавал песни, «гневом рожденные», душа поэта горела пламенем «ненависти, жажды отмщения». «Угнетенного народа сыз», он долгие годы был «великим гневом болен», пока не вернулся под родимый кров и не увидел новый, светлый образ величественного Абастана. Приметы времени в стихах Исаакяна выныли повсюду, но они не в упоминании конкретных событий и дат, не во внешних признаках быта, а в настроениях, в мыслях и чувствах, характерных для самого поэта и типичных для человека его биографии, его судьбы, его века. Недаром тема изгнания, тема скитания на чужбине и тоски по родине — одна из основных тем армянской поэзии с давних пор. Аветик Исаакян — по преимуществу лирик. Хотя им созданы большие поэмы, как «Мерт из Сасуна» и «Абул Ала Маари», хотя у него есть чудесные сказания в стихах, как «Сердце матери», как легенда о Сократе, хотя мы знаем и басни его и

Отрадно сознавать, что на предсеждовской трибуне «Литературной газеты» нашлось место для серьезного разговора о литературе научной фантастики и приключений. С. Подтавский выступил за фантастику широко, за то, чтобы смотреть «далеко в будущее». В Немцов отнесит ему путано и противоречиво. В начале статьи он как будто бы поддержал Подтавского, а в конце, противореча сам себе, начал убеждать читателя, что основную задачу фантастики можно выполнить только, урезывая себя, не заглядывая слишком далеко, придерживаясь сегодняшнего дня.

Мы боимся, что эта позиция вытекает из глубокого непонимания подлинных задач и возможностей фантастики. Когда в научно-фантастических произведениях герои покоряют вулканы, уничтожают льды Арктики, улетают на Марс и т. д., то эта фантазия демонстрирует грандиозность творческих замыслов и могущество человеческой мысли. Большая научная идея покоряет воображение читателя и властно ведет его дальше по страницам книги.

Но не надо забывать, что главное в этих книгах — познание мира, поэзия творчества, а фантастика — только средство в руках писателя. Поэтому мы не можем полностью удовлетвориться статьей С. Подтавского, хотя автор начал нужным и, несомненно, важный разговор о дальнейших путях в развитии нашей научной фантастики. Под лозунгом «Как можно дальше в будущее» можно сбиться с дороги, занявшись фантастикой ради фантастики, утратив связь с жизнью.

Мы не можем безоговорочно осуждать В. Немцова. Если Немцов хочет писать фантастический роман без фантастики, — его право... Но нельзя доказывать, что этот путь — главный для научно-фантастического жанра.

Откровенно говоря, Немцов выступил как защитник тех «предельщиков», которые подвизались в этой области в течение последних лет и лишили нас очень многих интересных произведений. Кое-что из этих предельщиков, подобно Немцову, уговаривал нас, что фантазировать надо поближе к сегодняшнему дню, лучше — в пределах пятилетки, лучше — еще лучше — совсем не фантазировать. Были и такие, которые ограничивали место действия — уверяли, что писатель не имеет права удаляться за пределы земной атмосферы, а планеты и звезды, дескать, — отрыв от действительности. В результате попытке создать фантастический роман превратился в своеобразный барьерный бег. И что греха таить, ловкачи, которые перепрыгивали все барьеры, слишком много заимствовали приемы, слишком мало заимствовали художественного волеизъявления.

И вот сейчас перед съездом хочется громко сказать: давайте расистим горю научно-фантастическому жанру, давайте уберем все барьеры. Пусть к нам приходят ученые, пусть нас не боится маститые писатели. Пусть будут книги о далеком и о близком, о геологии и агрономии, предоставим автору выбирать средства, но пусть он даст нам произведения глубокие по мысли, увлекательные по сюжету, с яркими, художественными образами.

Пет, судя вопроса не в «обетшалых традициях», против которых ополчился В. Немцов в своей статье «Традиции и новаторство». Главное, по нашему мнению, заключается в том, чтобы решающим, отграничивающим признаком советской научно-фантастической литературы, как и всех других литературных жанров, был образ героя нашего времени, воплощающего свои героические замыслы о переустройстве нашей планеты.

Издано за рубежом

РОСТОВ-НА-ДОНУ. (Наш корр.). Ко Второму съезду писателей в областной библиотеке имени К. Маркса экспонируются произведения литераторов Дона, издаваемые за рубежом. На румынский, болгарский, чешский и венгерский языки переведен роман М. Солохова «Искры». Дважды издавался в Чехословакии роман В. Заруктукна «Пловучая станица», он выдержал несколько изданий на польском языке, выходил в Венгрии, Румынии и других странах. Недавно в Болгарии и Чехословакии издали «Кавказские записки» В. Заруктукна. За рубежом вышло около сорока изданий рассказов и повестей для детей И. Василечко. Повесть «Алые погоны» Б. Изюмского переведена на шесть иностранных языков; недавно в Венгрии издали его новую повесть «Призвание». В ряде стран издали романы А. Калинина «На юге» и «Красное знамя», Г. Шолохова-Синьковского — «Волгины», «У кураган», М. Никулина — «Жизнь впереди», Д. Петрова (Бирюка) — «Сказание о казаках».

В свет книга, которой судено было стать другим и советским миллионным читателем, инициатором ответа на многие главные жизненные вопросы, — роман П. А. Островского «Как закалялась сталь»; А. С. Макаренко еще продолжал работу над «Педагогической поэмой». Таким образом, многие книги, ставшие ныне классическими, прочно вошедшие в сокровищницу социалистической культуры, оказавшие огромное влияние на формирование целых поколений советских людей, создавались именно на этом рубеже. Они рождены духом исторических событий, происшедших в год великого перелома и в годы осуществления первого пятилетнего плана, духом героической победы социализма. Эти исторические события имели своим следствием бурный, невиданный расцвет во всех областях народнохозяйственной и культурной жизни советского народа. Одним из свидетельств расцвета явился и съезд писателей, объединивший все силы советской литературы в борьбе за победу коммунизма.

Из живого племени коммунистических идей, вдохновивших наш народ на победоносную борьбу и озаривших своим ясным светом весь мир, вышли замечательные книги, показывающие прочную связь между литературой и жизнью народа, его трудом, насущными интересами. Недавно А. М. Горький, обращаясь в 1935 году к участникам Конгресса защиты культуры, собранного в Париже, писал: «Подлинным гуманизмом может быть только гуманизм пролетариата, который ставит перед собой великую цель: изменение всех основ социально-экономического бытия мира нашего». Горький подчеркивал также, что теперь подлинное человеколюбие впервые за всю историю человечества «организуется, как творческая сила».

Вот этой творческой силой социалистического гуманизма, духом служения его великой цели пронизана вся наша советская многонациональная литература. Метод социалистического реализма, неотделимый от марксистско-ленинского мировоззрения, вооружил писателей умением видеть и анализировать не только действительность настоящего и действительность прошлого; он принес им точное знание того, что А. М. Горький называл «третьей действительностью». — знание действительности будущего. Ясное понимание исторической перспективы, освещающее вышнюю правду жизни, сделало советскую ли-

тературу самой прогрессивной в мире, продолжило ей путь к сердцам миллионов. Влуджаниями современной буржуазной литературы, ее пессимистической обреченности, энзимом, непротивленству книги советских писателей противопоставили ясность цели и уверенность в будущем, они показали всему миру собирательный образ человека-борца, человека-создателя — образ, вдохновляющий, рождающий надежду, заражающий примером.

Последнее двадцатилетие обогатило образ советского человека, созданный нашей литературой, многими новыми чертами, черпнутыми в советской действительности. Рассматривая ряд новых книг, выстроившихся за эти годы на библиотечной полке, мы можем по праву сказать, что в них отражены жизнь и история нашего общества, бурное и непрерывное его развитие.

Разумеется, путь развития литературы в целом, так же как и путь каждого писателя, пройденный за это время, не был гладким и ровным. Были на этом пути трудности, были ухабы, коздобный ошибочные теории, в той или иной мере тормозившие движение литературы вперед. В этих ошибках и заблуждениях предстоит разобраться глубже, нежели это было сделано до сих пор; но это важно разбираться в достигнутых успехах, увидеть верное направление поисков и плоды, уже принесенные этими поисками литературе.

Если мы обратимся к книгам минувшего двадцатилетия, то, скажем, от повестей Ю. Крымова «Танкер», «Дербент» и «Изнажер» до романов «Журбиния» В. Кочетова и «Искатели» Д. Гранина мы сможем проследить, как утверждалась и вырасталась тема нового отношения к труду — осознание свободного творческого труда, как естественной и необходимой, словно дыхание, потребности человека. О важности этой темы и об особой миссии советского писателя в ее решении особенно настойчиво и горячо говорил А. М. Горький. Столь различные по стилю и по кругу героев вещи, как «Педагогическая поэма» А. Макаренко, «Люди на захолустьях» А. Малышкина, «Дорога на океан» Л. Леонова, «Мужество» В. Кетлинской, ясно показали, что с темой нового отношения к труду неразрывно связана и другая важная тема: воспитание хозяйского отношения ко всем плодам этого труда, выявление в каждом советском гражданине сознания личной ответственности за всеобщее государственное дело. Литература наша показала рытвоего человека, который ощущает себя хозяином всего государства. Это — ощущение, каково не знали и не могли знать массы людей ни в одной другой стране на протяжении всей истории социалистического общества. Это обусловлено самой сутью метода социалистического реализма. Если мы обратимся к истокам этого метода, то уже в первом классическом произведении, утверждающем принципы социалистического реализма, — в «Матери» А. М. Горького, — мы обнаружим величественный образ народа — творца истории. Только через раскрытие этого образа и возможно «конкретное изображение действительности в ее революционном развитии».

Построение социалистического общества и непосредственно, неотрывно продолжаясь его движение вперед, к коммунизму знаменует собой начало двадцатилетия, прошедшего между двумя съездами советских писателей. Великая Отечественная война и ряд сложнейших, ответственных задач, выдвинутых ею во всех областях жизни народа, определяют следующий период развития советской литературы. Наконец, нынешний период начался кратким, но столь напряженным и насыщенным событиями временем последнего военного восстановления, от которого страна наша вновь вынуждена вперед, и притом темпами, еще неизданными.

Каждый из этих трех периодов нельзя рассматривать изолированно, вне связи с международными событиями, с общеполитической обстановкой. Только в этой связи можно правильно понять, например, почему в годы 1934—1941 так часто и охотно советская литература обращалась к темам далекой и близкой истории Родины. В то время как для буржуазного романа историческая тема означала фактически бегство от действительности, — советские писатели искали в прошлом прежде всего то, что помогло находить ответы на самые животрепещущие вопросы нынешнего дня.

Незавершенная эпопея А. Толстого об эпохе Петра, остающаяся непревзойденным примером плодотворности принципов социалистического реализма в применении к исторической теме, устанавливала корни и связь патристических чувств, владеющих русским народом, и присущей ему созидательной силы. Верность исторической правде, сочетание художественной силы с истиннонаучной глубиной, основанной на марксистско-ленинском понимании исторического процесса, отказ от идеализации героя, от преклонения перед личностью, выявление активной роли народных масс — вот главные черты романа А. Толстого, характеризующие вместе с тем основное и верное направление, в котором развивалась советская историческая проза вообще.

Как правдивые страницы истории советского общества, читаем уже мы сегодня и те книги, которые являлись в свое время страстной летописью очевидца, повествованием о событиях только что прошедших, порою еще незавершенных. Так были написаны «Вруски» Ф. Панферова, «Энергия» Ф. Гладкова, «Гидроцентр» М. Шагинян, очерки В. Ставского «На гребне», «Кохлада» К. Паустовского, «Большой конвейер» Я. Ильина.

Характерно, что и в поэзии определилось в эти годы стремление к повествовательному жанру, к эпическому полнотам, в которых средствами поэзии рождалась те же задачи, какие ставила перед собой и советская проза. Напомним «Страну Муравью» А. Твардовского, «Ночь изначальной политики» А. Вяземского, «Маяковский начинается» Н. Асеева, «Ночь перед боями» М. Бажана, «Летовое побойще» К. Симонова.

Многообразие жанров и стилей свойственно драматическим произведениям, появившимся после съезда писателей. Драматургия преодолела влияние формалистического театра, которое было весьма сильным в 20-е годы. Метод социалистического реализма обогатил драматургов, укрепил их связь со зрителями, и если мы сравним взволнованную и живописность «Аристократов» Н. Ноголина со скупой сдержанностью «Бойцов» Б. Ромашова, романтическую патетику «Патона Кречета» А. Корнейчука с углубленным психологизмом «Машеньки» А. Афиногенова, если сравним «Сказку» М. Светлова, свободно включающую в свой драматический строй и фантастику сна и поэзию мечты, с мужественной простотой «Парня из нашего города» К. Симонова, если вспомним «Таню» А. Арбузова, «Славу» В. Гусева, «Два лавра» А. Яковсона, «Беспокойную старость» Л. Рахманова, веселые комедии В. Шкваркина, — мы ясно увидим богатство палитры нашей драматургии, усиленное отказом от опустошающих формалистических вывертов и обращением к животворному методу познания действительности, составляющему суть социалистического реализма.

Некоторые критики считают фантастику чем-то вроде заплата на разрыве научно-популярной литературы, полагая, что научно-популярные книги пишутся о работах ученых, а научно-фантастические — о их замыслах. Получив в руки новый роман, такой критик прежде всего осведомляется, кто из ученых работает над этой проблемой, даст ему книгу в отзыв и получает исправленный разгром с точки зрения сегодняшнего состояния науки. Но вот беда, далеко не всегда ученый специалист компетентен в вопросах литературы.

Известно, что Жюль Верн, например, не подсказывал изобретателям конкретной технической идеи подводной лодки. В своем романе он воплотил давнюю человеческую мечту о покорении морских глубин. И так как наука — замечательным писателем-фантастом над осуществлением этой проблемы настойчиво блился лучшие умы эпохи, подводная лодка была изобретена.

В научной фантастике может быть роман об уничтожении болезней, о стремительном росте деревьев, об управлении погодой, изменении климата Арктики, о путешествиях в глубинах океана. Пусть автор не угадал научных методов (хотят сказать, Жюль Верн тоже их не угадал), ученый найдет правильные методы. Пусть специалисты утверждают, что идея безземельного человека-амфибия невозможна с точки зрения современной науки. Это не так важно. Важнее другое: рано или поздно человек станет хозяином океанских глубин.

Вытнута в научной фантастике применяется обширная, не связанная с наукой литература, использующая фантастические образы и ситуации. Среди этих книг есть произведения, оставшиеся в веках: «Путешествия Гулливера» Д. Свифта, «Аргантоа и Пантаргоэль» Рабле, «Обстрон пингвинов» А. Франса, «Шагреневая кожа» О. Бальзака, «Кромой бес» Лесажа, «Ники при дворе короля Артура» М. Твена. В этом далеко не полном перечне встретились разнообразные произведения. Перед нами огромное богатство, богатство, которое многим и многим писателям позволяло создавать на фантастической основе глубоко реалистические книги. Так зачем же все стричь под одну гребенку, к примеру, отравлять «Баню» Маяковского на конспиративно к физике и, получив ответ, что полагение фосфорической женщины из будущего противоречит закону причинности, сбить со сцены эту глубокую и прекрасную вещь.

Мы очень легко коснулись разнообразных задач, стоящих перед фантастической литературой. Советскому читателю нужны все виды фантастики — популярная книга и политическая сатира, мечта о будущем и путешествие в прошлое — нужны десятки книг ежегодно. Не социальные, эстетические не справляются с этой задачей, выпускают новые научно-фантастические вещи очень редко.

Вместе с тем отроду отметить, что перед съездом писателей оживилась работа молодежной периодики. Журнал «Техника молодежи» проводит конкурс на научно-фантастический рассказ, специальный номер журнала «Знание — сила» посвящен научно-фантастическому и приключенческому жанру.

Эти факты убедительно показывают, что на первых порах собирателей новых творческих сил в научно-фантастической и приключенческой литературе должен стать специальный журнал по типу ранее издававшегося журнала «Мир приключений».

И. ЕФРЕМОВ, А. СТУДИТСКИЙ, Л. ЖИГАРЕВ

Двадцатилетие

Закрывая Первый всеосюзный съезд советских писателей, А. М. Горький сказал: «На этом съезде нами выданы многочисленные вопросы и правильные большие вопросы, и разумеется, теперь мы обязаны оплатить векселя честной, добротной работой».

С той поры минуло двадцать лет. И естественно, что в дни, предшествующие открытию Второго всеосюзного съезда, не только в среде самих литераторов, но и в широких читательских кругах столько пристального внимания, столько хозяйской заботы уделяется итогам, достигнутым на большом отрезке пути развития нашей литературы и показываемым, как писатели оплачивали векселя, выданные народу.

Первый всеосюзный съезд организационно закрепил то объединение «всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве», начало которому было положено постановлением Центрального Комитета партии от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций». В оживленных прениях, длившихся в продолжение двух недель работы съезда, — и прежде всего в докладе, выступлении и заключительном слове А. М. Горького, — были определены существующие задачи, стоящие перед советской литературой в самой близкой практической работе и вместе с тем также и в отдаленной исторической перспективе. На съезде были широко обсуждены принципы социалистического реализма — основного творческого метода советской художественной литературы.

В процессе развития литературы всех социалистических наций Первый всеосюзный съезд советских писателей явился важнейшим этапом. И однако, при всем том течение этого процесса развития на периоды «до съезда» и «после съезда» является весьма условным, механическим, ибо литература развивается непрерывно, все подлинно значительное в ней обладает глубокими и долго растущими корнями, и эти корни не могут быть разрушены надвое одной датой.

В дни, когда проходила съезд, на писательском съезде А. М. Горького лежала начатая рукопись четвертой части «Жизни Кима Самгана»: М. А. Шолохов еще начал работу на последнем томе «Тихого Дона»; А. Н. Толстой закончил второй, обдумывая третий том «Петра Первого» и готовился к завершению трилогии «Жокеи-люди»; в самые дни съезда вышла

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ

ПО СТРАНИЦАМ
ИНОСТРАННОЙ
ПЕЧАТИ

Франция. Совсем недавно в одной из парижских газет появилась рисунки: лодку, несущуюсь в открытом море, занесло в пасть зубастой акулы. Кажется, еще мгновение — и огромная пасть чудовища сомкнется, проглотив лодку вместе с ее пассажирами... Но человек, стоящий у руля, не желая видеть опасности, глядит в сторону и говорит бодрым голосом: «Вот уж эти мне чудaki! Подумать только, что они утверждали, будто в этом море нас подстерегает опасность!»

Глядя на этот рисунок, невольно вспоминаешь позицию тех политических деятелей, которые пытаются скрыть от народа агрессивную сущность парижских соглашений... Впрочем, французским сторонникам скорейшего вооружения Западной Германии с каждым днем становится все труднее защищать свои позиции. Французская общественность достаточно ясно видит остро отточенные зубы акулы и не верит в успокоительные заверения о возможности предотвратить новую германскую агрессию в рамках «западноевропейского союза».

В сегодняшней Франции — 36 тысяч коммун и столько же или еще больше памятников погибшим французам, погибшим от руки германских агрессоров. Миллионы французов, из года в год украшающих цветами могилы расстрелянных немцами патриотов, слишком хорошо знают, чего стоят «гарантии» тех, кто вооружает гитлеровских генералов.

Даже бывший французский премьер-министр Антуан Пиан, сторонник перевооружения Западной Германии, выступая на страницах буржуазного еженедельника «Карфур», не пытается скрыть от читателей, что он усматривает в парижских соглашениях такие «неприятные последствия», как принятие Германии в НАТО, восстановление самостоятельной германской армии с собственным генеральным штабом, бесконтрольное производство вооружений и т. д.

В последнее время сторонники возрождения вермахта довольно откровенно говорят о том, почему они так настаивают на ратификации парижских соглашений. Так, отвечая на вопросы буржуазного еженедельника «Карфур», генеральный секретарь социалистической партии Франции Ги Молле и бывший откровенно генерал Биот с одинаковой откровенностью признали, что они считают необходимым уступить желаниям Вашингтона, так как отклонение парижских соглашений означало бы «новый кризис атлантической солидарности», разрыв с «атлантической солидарности».

До начала дебатов во французском Национальном собрании по вопросу о ратификации лондонского и парижских соглашений осталось десять дней. Народное движение протеста против ратификации соглашений о вооружении Германии с каждым днем становится все сильнее.

За переговоры с Советским Союзом до начала дебатов о парижских соглашениях активно выступают видные политические деятели Франции. Почетный председатель Национального собрания Эдуард Эррио и бывший председатель совета министров Франции Эдуард Даллэ еще раз публично заявили, что они попрежнему отвергают всякое перевооружение Германии.

Французские патриоты ведут борьбу против ратификации парижских соглашений, осознавая всю серьезность угрозы, возникающей для Франции в результате преступной политики возрождения германского милитаризма. «Да, мы действительно находимся на перекрестке двух путей», — пишет орган бывших участников движения Сопротивления газета «Франс д'абор», — да, на карту поставлена именно судьба Франции».

В эти дни демократическая общественность вновь и вновь подчеркивает тот общезвестный факт, что франко-советский

договор является прочной гарантией безопасности Франции. Еженедельник «Франс нувель» пишет: «Франко-советский договор о дружбе обеспечивает неприкосновенность независимости и суверенитета Франции. Не так обстоит дело с лондонским и парижскими соглашениями, возрождающими в Западной Германии гитлеровскую армию».

С ясною программой неотложных действий, направленных на ослабление международной напряженности, выступают французский профессорный еженедельник «Ви урвер».

«Нужно добиться мирного урегулирования германской проблемы», — пишет «Ви урвер» — «рассмотреть и установить основы коллективной безопасности и разоружения до ратификации лондонского и парижских соглашений, которые... детализовали бы восстановление реваншистской армии» в Западной Германии.

«Было бы безумием повернуться спиной к единственному пути, на котором Франция жлет мир, чтобы пойти по единственному пути, на котором ее подстерегает война», — пишет прогрессивная газета «Дибераксер».

Такое мнение широчайших кругов французской общественности.

Западная Германия. Правители Западной Германии работают с предельной нагрузкой, пытаются убедить население «федеральной республики» в «преимуществах» separaten парижских решений, открывающих путь к фактически неограниченному восстановлению агрессивного вермахта в пределах рехландии.

Не следует недооценивать усилий боннской верхушки, — в ее распоряжении находится широко разветвленный пропагандистский аппарат. Пресса и радио, существующие на щедрые податки западгерманских и заокеанских военных концернов, немало потрудились над тем, чтобы извратить или замолчать убедительные и ясные предложения Советского Союза и других миролюбивых стран по германскому вопросу.

Однако не трубадуры боннских милитаристов отражают подлинные настроения народных масс Западной Германии, заинтересованных в сохранении мира.

В широких слоях населения Западной Германии идея создания системы коллективной безопасности нашла многих сторонников. Они сурово критикуют боннских политиков и их зарубежных покровителей, занимающих враждебную позицию по отношению к Советскому Союзу и европейским стран, провозгласившим в Москве.

Газета «Гамбургер фольксцейтунг» писала по этому поводу: «Своим отказом участвовать в Советских западные державы показали, что они озабочены не достижением соглашения о сохранении мира, а перевооружением для войны».

Газеты, которые считаются с настроениями миролюбивых сил Западной Германии, например, «Дюбекер нахрихтен», предупреждают своих читателей, что лишь отказ от ратификации федеральной республики, отказ от включения ее в военную группировку западных держав открывали бы возможность для достижения соглашения между державами о превращении германских выборов в тем самым — путь к мирному воссоединению Германии.

С резкой критикой по адресу западных держав выступает газета «Бремер фольксцейтунг». Она подчеркивает, что те же, широко распространяемые американской пропагандой, ставит под угрозу возможность воссоединения Германии. «Если намерения боннского правительства станут реальностью», — пишет выходящая в Мюнхене газета «Ди нацзон», — мы устремимся навстречу войне».

Эти опасения разделяют в Западной Германии все те, кому дороги мир и безопасность своей страны.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМИ ГЕРОИ В НОВОЙ РУМЫНСКОЙ ПРОЗЕ

Овид. С. КРОХМЭЛНИЧАНУ,
румынским литературоведом,
лауреат Государственной премии

Для писателей Румынской Народной Республики, как и для всех художников, стремящихся правдиво отобразить в своем творчестве нашу эпоху, проблема положительного героя является, несомненно, самой важной. Поэтому не приходится удивляться, что основные успехи новой румынской прозы в большинстве случаев связаны с разрешением этой проблемы — с созданием полноценных художественных образов людей, которые и являются «солью земли» и которым органически присущи черты нового мира. Впрочем, это иллюстрируется многочисленными произведениями — от романа «Митра Бокор» маститого писателя Михаила Саловяну и до новейших произведений талантливых прозаиков молодого поколения Петру Думитриу, Марина Преди и В. Эм. Галана.

Способность формировать передовое сознание, воспитывать читательские массы в духе новой морали и новой идеологии неразрывно и непосредственно связана с умением видеть в жизни и воплощать в искусстве конкретные, зримые, близкие сердцам образы людей, вдохновенных передовыми идеями времени. В чем же секрет такого воплощения?

На этот вопрос было дано много вполне приемлемых ответов. Некоторые из них даже сопровождали практическими советами, как-то: «Введите героя в глубокий конфликт, «очеловечивайте» его и не перебарщивайте недостатками, не забывайте индивидуализировать его и т. д. Я вовсе не намерен отказываться от должной оценки подобных советов. Но мне все же кажется, что чаще всего они являются результатом анализа неудачных примеров. Фальшь, например, не проронил ли слова о личной жизни Левинсона, однако это несколько не умаляет достоинств образа героя. Я лично думаю, что некоторые заключения, основанные на более внимательном изучении удачных примеров, были бы интереснее.

У нас сравнительно мало говорится о том, что же считать высшей ценностью обобщения в образе положительного героя. Позволю себе привести здесь пример из области науки. И тот, кто изобретает велосипед против выпадения волос, изучает законы природы и старается их использовать. Оба они достигают определенного обобщения, и результаты их работ могут принести пользу человечеству. И все же никто не станет утверждать, что оба результата имеют одинаковую ценность или что оба моих персонажа стоят на одной ступени научных достижений.

Не несколько преувеличенное сравнение остается в силе и для искусства. При некотором умении, некотором таланте и минимальном жизненном опыте можно создать образ, который дойдет бы до известной ступени обобщения, давали хотя бы видимости жизненности. Но в таком случае они не говорят людям о существующих, глубоких вопросах их времени, обобщают не широкий исторический опыт, а опыт узкий, ограниченный. К сожалению, так обстоит дело не с одним положительным героем нашей прозы.

Это в тех случаях, когда писателем удавалось достичь высот и богатства художественного обобщения, созданные или образы выражали крупные и комплексные проблемы нашей жизни, проблемы всеобщего процесса революционного преобразования.

Простедим это на примере молодого румынского прозаика Марина Преди «Наступление развратывается», появившейся у нас в 1952 году.

Переживания, которые испытывает герой повести Илие Барбу на протяжении суток, с необычайной выразительностью раскрывают глубоко человеческую сущность изменений, происшедших в сознании значительной части нашего трудового крестьянства, вставшего на путь социализма.

Вступление в коллективное хозяйство является решающим, переломным моментом в жизни Илие Барбу, молодого члена партии, крестьянина-бедняка, для которого это событие — праздник, а ему даже не во что продаться на этот праздник. С огромным душевным напряжением он верит в начало окончательного избавления от нищеты, унижений, несправедливости, которые он извдал в жизни.

Всего один раз за свою жизнь Илие испытал такое же предчувствие названного близкого счастья, и то на один день. На выпускных экзаменах в школе он получил высшую оценку по математике. На глазах у удивленного класса и экзаменационной комиссии Илие вычислил объем усеченного конуса. На один день он полагал и об овцах кулака Бланке, которых он пас, и о скудной еде. С легким простодушием он весь отдался счастливому сознанию своего человеческого достоинства.

И вот теперь с твердой решимостью и вместе с тем с чувством глубокой ликующей радости Илие Барбу — первый из всей деревни — предстал перед комиссией по записи в коллективное хозяйство.

Казенный, бюрократический тон, безразличие и скука, с которыми агроном и председатель сельского совета Прунойу ведут запись, затем резкий поведенческий окрик: «Илие, заснул? Помпевайся!» — точно ножом по сердцу пощупнул его.

Что-то уродливо, враждебно, бесчеловечно снова появилось его, как и в детстве, когда на другой день после экзамена он опять пошелся пасти овец.

Все хорошее, светлое в сознании этого крестьянина-бедняка, связанное с непоколебимым доверием к слову партии, не позволяет ему верить, что так должны развиваться события. Злоупотребления в установлении норм поставок, махинации окружающих Гюной, который уже видит себя счетоводом будущего коллективного хозяйства, диктаторские хватки председателя Прунойу — все это Илие Барбу начинает сопоставлять, а сопоставляя, начинает понимать происходящее. Это не может быть линией партии, — все яснее подсказывает ему безошибочный классовый инстинкт. И когда Илие убеждается в этом ходом событий, поразительно упорство и моральная сила пробуждаются в нем. Еще вчера он казался замкнутым, молчаливым, а сегодня поднялся, чтобы защитить свое счастье, сместь со своего пути всех тех, кто пытается отнять его.

Впечатление, которое оставляет образ Илие Барбу, достигается не арифметическим подсчетом его достоинств или мелких «человеческих грешков», а глубокой социально-моральной проблем, на которых концентрируются переживания героя и которые он решает, как настоящий строитель социализма. Потому-то он и представляется собой ценность в смысле обобщения.

Те же черты пробуждают интерес и симпатии к образу Адама Жора — героя последнего романа прозаика Петру Думитриу «Буревестник». Адам Жора — молодой рыбак, все его богатство — здоровье и молодость. Он работает на корымару Данилова — владелицы рыболовных снастей, за кабелившего весь рыбачий поселок. Начало романа показывает нам героя в открытом море. Лодку с тремя рыбаками, как шипку, швыряют волны разбушевавшегося моря. Но Адам Жора не хочет умирать. Он не осекает себя крестным знаменем и не поддается на волю божью, как старый рыбак Филофет. Бессмысленная гибель кажется Жоре вопиющей, дикой несправедливостью. Последней, самой большой из нескончаемого ряда несправедливостей: тяжелого детства, вечной нужды, иппенской платы за изнурительный труд, свя-

занный с постоянным риском погибнуть в море и оставить без всякой помощи старуху мать.

Чувство протеста Адама Жора, жажда счастья, та отвага, с которой он вступает в неравную борьбу и с честью выходит из нее, — все это придает подлинное величие образу Адама Жора. Автор еще больше расширяет его смысл, сознательно заставляя своего героя пройти через многие и многие испытания, которыми полна жизнь. Жора спасается от бури, но когда он возвращается домой изнуренный, больной, на него обрушивается новый удар. Семья хозяйка Данилова, возненавидевшая Жору за то, что он выжил, но не сумел снасти халкоиско добро — лодку и снасти, за то, что он поспешил полюбить девушку, которая нравилась одному из сыновей Данилова, и неостая за себя, обвинила его в убийстве Филофета, погибшего во время бури. Жору судят и приговаривают к каторжным работам. Мать умирает с голоду. На его весте Ульяне женится сын кулака Симон.

Осенью 1944 года досрочно освобожденный Жора возвращается в свой поселок, здесь его никто не ждет, дом — заброшен, любовь — растоптана. С испепеленной горечью и ненавистью душой он отправляется кулака глаза глядя.

Прошли годы, Адам Жора вырос на профсоюзной работе, стал инструктором райкома партии. И вот обстоятельства снова ставят его в такое положение, где он должен проявить всю силу своего характера. Жору направляют в рыболовную флотилию, где пробравшаяся к руководству чучка негодяев насаждает призыв, дущий инициативу, терроризирует актиаж демократическими разглагольствованиями. И во главе этой клики в качестве председателя профкома стоит тот самый Прикол Данилов, который отравил Адама на каторгу, а под его крылышком работает «рыбак» Симон, муж Ульяны.

Адам Жора, ставший сознательным борцом за дело народа, чувствует, что он стораит от глубокой ненависти к Данилову, но вместе с тем он наделен силой, которая требует, чтобы он поступал только «со справедливости». Еще до того, как он прибыл во флотилию, Жора из личного дела Прикола знал, что тот давно порвал с отцом, все эти годы работал простым моряком. Жора не спит ночь напролет, мучается, стараясь побороть чувство ненависти. Для него важно установить — только ли его личные враги Прикол и Симон. Он подробнейшим образом исследует причины соавшейся здесь обстановки, беседует с моряками, с рыболовами, и убедившись в том, что его враги являются врагами народа, что его ненависть является частью справедливой ненависти народа, он начинает громить их. В ходе разоблачения банды Прикола Жора повышает сознательность актиажа, флотилии, учит людей опираться на непобедимую силу партии.

Моральное превосходство, черты нового человека у Адама Жора измеряются ступенями предельных жизненных положений.

Превосходство Филипа, героя романа «Бараган» В. Эм. Галана, проявляется не менее отчетливо в столкновении человека со всем тем, что образует повседневную ткань подлости, мелочности, рутини.

Антон Филип — рабочий-литейщик. В 1945 году он участвует в проведении аграрной реформы.

Осенью 1948 года его назначают директором государственной фермы в глухой район Яломчиикой поймаи, на окраине Бараганской степи. В те годы в Румынии государственные сельскохозяйственные предприятия только начинали создаваться, некоторая часть помещичьих земель продолжала оставаться в руках помещиков.

Условия, в которые попадает Филип, оказываются чрезвычайно тяжелыми. Трудности, которые создает враг на пути людей, призванных выдвинуть первые плодотворные шаги социалистического сельского хозяйства на унылых пространствах Барагана, усугубляются отдаленностью местности от развитых районов страны, инертностью, темнотой, услажденными от прошлого.

Встретившись в жизнь глазами Филипа, который негодует, возмущается и объявляет беспощадную борьбу всему тому, что вокруг него еще представляет старый мир, В. Эм. Галан весьма убедительно доказывает, как метод социалистического реализма не только исключает всякое приукрашивание действительности, но и позволяет развернуть самую решительную критику старому, критику, раскрывающую связи различных форм социального и морального зла, какими бы скрытыми эти связи ни были. На страницах книги нет и тени легкого скептицизма и обывательского паникёрства, она овеяна верой в будущее, большими надеждами. Благодаря глубокому многостороннему обобщению, умело показанной перспективе каждое незаконное действие, каждое проявление зла встречает самый решительный отпор со стороны передовых людей, выведенных в романе; преобладающее место принадлежит новому, которое с неодолимой силой прокладывает себе дорогу, борется и побеждает.

Филипу присуща не декларативная, а подлинная, органическая беспристрастность. Он чувствует себя солдатом партии, человеком, призванным отстаивать проведение линии партии, дело социализма в любых обстоятельствах. Он считает себя ответственным за все, происходящее вокруг него, старается смотреть на вещи и оценивать их в духе коммунистической этики.

Следя за Филипом, испытываешь такое чувство, что он действительно воплощает в себе частичку той великой преобразующей силы рабочего класса, коммунистов, повсюду прокладывающих жизни широкие дороги к будущему.

В рисунке этих образов проглядывают и нечеткие линии. Но, несмотря на это, они являются высокохудожественными обобщениями, весьма существенными для выражения великих истин нашей новой жизни. Это типические характеры, которым присуща подлинная моральная высота.

Это еще раз подтверждает, что проблема изображения нового человека не сводится к одним лишь вопросам писательского умения. Это прежде всего проблема изучения действительности в духе новых, революционных идей, проникновения в новое и понимания нового в полном смысле этого слова, на уровне самых глубоких, самых широких интересов людей нашего времени.

БУХАРЕСТ

М. К. Азадовский

После длительной, тяжелой болезни скончался один из крупнейших советских фольклористов и литературоведов, член Союза советских писателей, доктор филологических наук, профессор Марк Константинович Азадовский.

Труды покойного, посвященные изучению русского народного поэтического творчества, истории русской фольклористики и роли русских революционных демократов в изучении устной народной поэзии, представляющий большой вклад в советское литературоведение. Не менее важны исследования М. К. Азадовского о литературе и общественной деятельности декабристов, литераторов Сибири, творчестве Тургенева, Еришова, Языкова и других русских писателей.

На протяжении ряда десятилетий профессор Азадовский подготовил большое число учеников, успешно работающих в советской науке и критике.

Группа товарищей

Двадцатилетие

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

шим ему богатством мыслей и силой чувств. Так беседовали с ребятами А. Гайдар и Б. Житков. Так говорят с ним С. Маршак, Б. Чуковский, С. Михалков, А. Барто, В. Бианки, М. Ильин, Л. Кассиль, Н. Заболот и многие писатели, докладывающие отряд детской литературы.

Литература, для которой ее задачи неотделимы от общепарадных задач, не могла приостановить свое развитие в годы такого напряжения всех духовных и физических сил, какими были для нашего народа годы Великой Отечественной войны. Разговаривая с миллионами читателей со страниц газет, выступая перед радиомикрофоном, советские писатели создали в этот период непревзойденные образы высокой и страстной публицистики — такие, как статьи П. Оренбургера, А. Толстого и Л. Леонова, как «Письма товарищу» Б. Горбатова, как «Наука ненависти» М. Шолохова, как радиоречи Б. Вишневецкого, корреспонденции из оккупированного Ленинграда Н. Тихонова, очерки В. Гроссмана (и среди них — прежде всего «Направление главного удара»). Но наряду с этой оперативной литературной работой писатели отражали события войны также и в крупных произведениях, в которых читатель узнавал себя, свое сегодняшнее дело, свои сегодняшние волнения и раздумья, свою непоколебимую веру в победу правого дела. Так появились «Непокоренные» Б. Горбатова, «Радуга» В. Василевской, «Народ бессмертен» В. Гроссмана. В годы войны зритель увидел на сценах театров «Фронт» А. Корнейчука, «Русские люди» К. Симонова, «Офицер флота» А. Круна, «Наместник» Л. Леонова. Во фронтовой землянке родился образный образ Василия Теркина. В суровые военные годы пришла к читателям поэма А. Куденова «Знамя бригады». В треугольниках солдатских писем расходившихся переплетались строки стихов К. Симонова и А. Суркова: поэзия выражала мысли, всецело владевшие людьми. О трудовом подвиге тыла литература говорила меньше, но появилась в военные годы роман А. Карнасовой «Огни», появились посвященные труженникам-уральцам очерки М. Шагинян. И уже в начале 1945 года на страницах журнала «Знамя» начал печататься роман А. Фадеева «Молодая гвардия» — книга,

ставшая одной из самых любимых у нашего читателя.

Тема Великой Отечественной войны, естественно, не была исчерпана в эти годы. Художественное отображение героического подвига советского народа осталось и доныне остается одной из важнейших задач литературы, хотя среди книг, посвященных решению этой задачи, есть уже такие значительные произведения, как «Повесть о настоящем человеке» Б. Поленова, «Далеко от Москвы» В. Азадова, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Знаменосцы» О. Гончара, «Белая береза» М. Бубенинова.

Послевоенный период выдвинул перед литературой ряд новых, чрезвычайно ответственных и сложных задач. Советский человек закалялся, пройдя суровую проверку в суровых испытаниях войны и в напряженном труде послевоенного восстановления. Его духовное богатство, его новые качества, воспитанные социалистическим обществом, присущие ему новые черты социалистической этики и морали становились все очевиднее. Отрапить это высокую правду действительности, помочь развитию нового, передового в борьбе со старым, отживающим в нашей жизни, — святой долг нашей литературы.

Чем более зрелой становится литература, тем увереннее овладевает она могучим оружием социалистического реализма, — тем активнее вторгается она в окружающую действительность. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить путь, пройденный от таких книг, как «Время, вперед!» В. Катаева или «Гидроцентральный» М. Шагинян до «Русского леса» Л. Леонова.

Однако, стремясь показать советского человека в его деле, многие писатели наши понимали эту задачу чересчур односторонне и упрощенно. Они часто ограничивались изображением одних только производственных отношений советских людей, стороны каких бы то ни было фактов личной жизни, либо обидая и склеивая эти факты. Быть может, особенно наглядно подтверждает это драматургия последних лет, где укоренилась уродливая терминология, подразделявшая пьесы на «производственные» или «колхозные», но не принимавшая во внимание, что главным героем советского произведения должен быть человек труда, во всех проявлениях своего характера, со всеми своими заботами, мыслями и переживаниями. Равнодушными, холодны-

ми оставляли зрителя пьесы, в которых драматическая ситуация строилась не на судьбе человека, а на решении какой-то технической или агрономической проблемы. Спорю нет, такие проблемы занимают много места в жизни советских людей, докладывают им немало волнений и забот. Но именно эти-то волнения и заботы, выходящие им острые столкновения, именно их неутоимость, порою даже трагическое вторжение в личную жизнь человека и влияние на его судьбу представляют собою всеобщий, а не узкопрофессиональный интерес, а следовательно, именно они интересны и для художника. В свою очередь, на общественную жизнь людей, на их производственные отношения оказывают немалое влияние различные обстоятельства личной жизни. Все это находится в тесном и постоянном взаимодействии, постоянном соотношении.

Общественное начало хотя и подчиняет себе, но отнюдь не вытесняет и не умаляет всего, что связано с личной жизнью каждого из членов нашего общества. А к такому неперемому выводу могли бы привести многие произведения последних лет, и более всего те, что были написаны под влиянием пресловутой «теории» бесконечности.

Подмена изучения живой действительности, со всеми присущими ей сложностями и противоречиями, упрощенно построенной схемой, якобы отвечающей неким столь же упрощенным сформулированным «теориям времени», новым словами, говоря прямо, подмена правды жизни конъюнктурными соображениями, — такова главная особенность приспосабливаемой «теории». Эта-то именно особенность и была со всем решительностью разоблачена партийной печатью, которая вскрыла пороки «бесконечности» и закричала.

Требование правдивости — главное требование социалистического реализма. Оно лежало в основе всех указаний, которые слышали советские литераторы от партии, в основе всех решений, принятых партией по вопросам развития советской художественной литературы, в том числе и тех решений, какие были приняты на протяжении последних двадцати лет, протекших между двумя съездами писателей. В защиту правдивости и народности советской литературы велась борьба против бездельности формалистических выкрутосов и против приукрашивающей литературу бесконтрольной натуралистического копирования увиденной детали, против безострастного «объективизма» и против любых попыток

исказить действительность, — то ли чернее ее и выбирая в ней лишь мелкое, скверное, то ли лакируя и мною «зудчая» ее.

Видя и анализируя правду действительности, отбирая факты, оценивая их во всеоружии марксистско-ленинского мировоззрения, каждый художник отражает эти факты в своем произведении по-своему, в соответствии с ему присущими индивидуальными особенностями стиля.

Многообразие художественных приемов и многогранность — неперемные условия нормального развития художественной литературы. Между тем у нас нередки критические статьи, да и выступления писателей, в которых широкое и емкое понятие литературного метода сужается до понятия манеры, и таким образом, возникающие критерии, обусловленные неразрывно связанными творческим и взорным предположением, будто бы у нас существует единый и для всех обязательный «стиль социалистического реализма», прием черты этого универсального стиля замышляются в каждой такой статье и в каждом таком выступлении по собственному разумению автора. Чаще всего оказывается, что под «стилем социалистического реализма» разумеется близкое к натурализму фотографирование фактов. Вместе с тем поиски формы, работа о мастерстве, естественное и необходимое проявление индивидуальности художника в таких статьях порою отождествляются с формализмом и служат поводом для обвинения в отходе от принципов социалистического реализма. Такая путаница с ее узостью и одновременно с той огульной решительностью суждений, какая присуща обычно невежеству, дезориентирует писателей, вредит литературе. Конечно, такие попытки отстричь всех и каждого на общий манер — пол аттаки критической «сплошью» — не лишены, да и не могли лишиться нашу литературу ее живого многообразия.

Если мы возьмем для примера один лишь роман, посвященный Великой Отечественной войне, то среди них мы найдем и «Молодую гвардию» А. Фадеева с присущим этому автору углубленным психологизмом, и патетических «Знаменосцев» О. Гончара, и романтический «Звезд» Э. Казакевича, и «Дни и ночи» К. Симонова, где внутренний огонь спрятан под тонкую, даже нарочито скупую фразу, где описание подвига соседствует с детальной разработкой операции с точки зрения общего стратегического плана. Мы за-

помним и «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, с его пристальным вниманием к той бытовой детали, какая связывает свой общенности еще более подчеркивает героизм солдата, и «Непокоренные» Б. Горбатова — книгу, заставляющую вспомнить Гоголя-батишта с его любовью к широкому мазку и ярким краскам, с его эллипсисами, почти песенными отступлениями. Да, все это разные манеры, и хотя их многообразие с особой наглядностью выступает, когда мы рассматриваем произведения, посвященные одной теме, — мы могли бы увидеть это многообразие, сравнить и другие книги, отмеченные яркой и своеобразной индивидуальностью автора, например, книги Ф. Гладкова и М. Ауэзова, А. Упита и К. Федина, В. Каверина и В. Василевской, К. Паустовского и А. Барнаевского, В. Овечкина и С. Антонова...

Социалистический реализм не только «терпит» эти различные манеры; напротив, он способствует наиболее полному и яркому раскрытию творческой индивидуальности писателя. У нас во всех жанрах литературы существуют различные течения, возникшие на единой идейной основе, преследующие на читателя при помощи различных художественных средств. И поэтому очень важно разбираться в стилистических особенностях того или иного произведения, отчетливо определять отличительные черты творческих течений в нашей литературе, выполнять ту важную задачу, которая, как говорит устав Союза писателей, заключается в содействии всестороннему развитию форм, стилей и жанров, — иными словами, в последовательной борьбе за повышение мастерства.

Многоценные статьи А. М. Горького, его письма напоминают о том, как пристально следил Алексей Максимович за каждой начатой, еще лежащей на столе авторской работой, как умел он судить о мысле, тонко понимая все особенности творческого замысла писателя и все особенности его индивидуального стиля. Эта широкая и неутомимая горьковская забота об успехах каждого писателя и о росте всей нашей литературы должна присутствовать в коллективной работе Союза писателей, должна

определять главную задачу нашей критики, направляя работу предстоящего съезда.

Успехи советской литературы очень велики. Они сказываются и в том, как колоссально возрос спрос на книги советских писателей в нашей стране. Они связываются и в столь же возросшем внимании ее за рубежом нашей страны — в странах народной демократии, где слово советского писателя является одним из наиболее действительных передатчиков коллективного революционно-созидательного опыта всего советского народа, и в среде миллионов прогрессивно мыслящих людей в странах капитализма, где это слово звучит, как слово надежды.

Успехи нашей литературы сказываются также и в том, что на протяжении последних двадцати лет она стада подлинно всеозначительной литературой, в которой в полную силу зазвучал голос писателей, пишущих на разных языках, выросших в различных культурах, социалистически по содержанию своему, но сохраняющих национальную самобытность в своей форме.

Честной и добросовестной работы, в которой призывал А. М. Горький, закрывая Первый всеозначительный съезд писателей, следало за эти годы немало. Но это не дает оснований говорить, что вековая, которую, по выражению Алексея Максимовича, были выданы на этом съезде нашей литературой своему народу, означены полностью.

Многое, очень многое предстоит сделать, чтобы удовлетворить справедливые требования советского народа.

В дни, когда собирается Второй всеозначительный съезд советских писателей, будет продолжаться и работа над многими произведениями, которые начаты авторами не месяц и не год назад. Способствовать тому, чтобы эти произведения, так же, как и те, к работе над которыми авторы приступают уже после съезда, были высокими и художественно полноценными, чтобы они отвечали возросшим требованиям народа, помогали воспитывать поколения строителей коммунизма и достойных членов будущего коммунистического общества, — такая почетная задача предстоящего съезда, таково главное содержание творческих и организационных вопросов, которые будут на этом съезде решаться.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.